

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д.И. ГУЛИА

ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА
В
КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

АБИГИ
Сухум – 2021

УДК 811.35

ББК 81.60-22я431

П 78

Печатается по решению Ученого совета Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии

Проблемы синтаксиса в кавказских языках

АБИГИ им. Д. И. Гулиа. Сухум: Дом печати, 2021 г. – 120 с.
Г/р 978-5-111-21-05021

Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию доктора филологических наук, профессора, академика Академии наук Абхазии, Адыгской Международной академии наук и Европейской академии естественных наук, первого президента Академии наук Абхазии, главного научного сотрудника отдела языка Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, лауреата Государственной премии им. Г.А. Дзидзария, заслуженного деятеля науки Республики Абхазия, заслуженного работника высшей школы РА, кавалера ордена «Ахыз-ацша» I степени, общественного деятеля **Шоты Константиновича Арстаа**, состоявшейся 28 марта 2019 г. в г. Сухум Республики Абхазия.

Редакционная коллегия:

Хагба Л. Р. – составитель, ответственный редактор,
Ашуба А. Е., Пазов С. У., Биданок М. М., Магомедов М. И.

© Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, 2021

ПРИВЕТСТВИЕ

директора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, кандидата филологических наук, доцента Абхазского государственного университета

Ашуба Арды Енверовича

Мшыбзиақәа, ҳагыр зқәу иахьатәи ҳаиқәшәара зхы ала-зырхәыз зегьы!

Гәахәа дула бзиаала шәаабейт ҳәа шәасхәоит Ацсуатцааратә институт аузсуоцәа рыхьзала.

Атоурых ду змоу, ҳагыр ду зқәу, еицырдыруа тцаарадырратә хәыштәароуп Д.И. Гәлиа ихьз зху Ацсуатцааратә институт. Ара хьпхьазара рацәала имоапысхьейт акрыз-цазкуа аусмоапгәтәқәа. Убас икақәаз иреиуахоит уажәы иаахартуа «Кавказтәи абызшәақәа рфы асинтаксис апро-блемақәа» захьзу Жәларбжьаратәи атцаарадырратә конференция.

Машәыршақә акәзам ари атема залху. Ацшәмацәа ҳаицш, Нхытц Кавказынтәи иааз ҳашьцәа-атцарауаагыи злахәу ари аконференция изкуп ҳазну амза 10 рзы 90 шықәса зхытцыз афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, Ацсны атцаарадыррақәа ракадемия рацхьатәи ахада, Адыгатәи жәларбжьаратәи атцаарадыррақәа ракадемии Европатәи ацсабаратә тцаарадыррақәа ракадемии академик, Д.И. Гәлиа ихьз зху Ацсуатцааратә институт абызшәа ақәша атцааратә усзуо хада, Ацсны атцаарадырра зеацсәтхьыз аузсуо, Гь.А. Зизариа ихьз зху

Ахэынтқарратэ премиа алауреат, Ацсны иреихазоу ашкол зѐацсазтѐыз аусзуѐ, «Ахьз-ацша» аорден I аѐазара занашьоу, ауаажаларратэ усзуѐ Шоѐа Кастеи-ица Арстаа.

Ацсуа бызшѐа атѐаараѐи артѐараѐи злагала дуззоу Шоѐа Кастеи-ица хинститут аѐы иусура хациркит 1958 ш. рзы. Иахья уажѐраанзагьы дыхшыѐртѐаганы абра дѐавагылоуп. Дьѐан абызшѐа аѐѐаша аиѐабыс, атѐаарадырразы адиректор ихаѐыпуаѐыс, адиректор инапынтѐаѐа рынагзаѐыс. Иара абри ашыѐѐс инаркны 50 шыѐѐса инарзынацшуа аус иуан ашьѐахь иѐэынтқарратэ университетхаз Аѐѐатѐи артѐаѐратэ институт аѐы, дьѐан ацсуа бызшѐа акафедра аиѐабыс, иара убас афилологиатѐ факультет адеканс.

1997 ш. Ацсны раѐхьатѐи ахада В.Г. Арзынба иѐѐѐарала Ш.К. Арстаа далхын усѐан иаѐѐаз Ацсны Атѐаарадырраѐа ракадемиа ахадад.

Еицырдыруз ажѐабжѐхѐаѐ, аѐхьярѐарѐхѐаѐы, ашыѐѐс раѐѐа нызѐыз Кастеи Арстаа ица илаазан ацсуа даѐсыуазтѐуа зегьы. Иѐѐѐазаратѐ мѐаѐы аханатѐ аахыс напхгагас имоу иара убри ауп. Чьѐдала инапы злаку ацсуа грамматика атѐаара аганахьяла, Шоѐа Кастеи-ица аусумѐа хатѐраѐа аѐиѐахьѐит, еиѐаразакгьы аиѐхьзараѐа имоуп иуадаѐзоу асинтаксис атѐаара ахырхарѐаѐы. Иалкааны дрызѐлымѐауп аѐышьаѐѐараѐѐи аѐопонимикеи ирыдѐѐалоу азѐаараѐа. Џиубилиар иусумѐаѐа ахарѐара ѐбааны ирымоуп кавказтѐи абызшѐаѐа рыѐѐаараѐы.

Зегь бзиа еиѐаабо ѐаѐхьягыла, ѐартѐаѐ ду, Шоѐа Кастеи-ица! Шѐымшира шѐыднѐхѐало, ари хаиѐѐшѐара иалахѐугьы иалахѐымгьы идѐарѐар ѐѐахуп иѐамоу агѐаѐара атѐы: митѐык бжѐам 100 шыѐѐса анышѐхьѐѐуа амш аѐынзагьы. Убри аныѐѐагьы, иахьѐиѐш, Шѐара шѐѐагѐѐылакны амѐаѐѐара Џазшаз иѐаѐѐишьааит!

Глубокоуважаемый Шоѐа Константинович!

Поздравляю Вас со знаменательным 90-летним юбилеем!

Вы – один из уникальных людей, из тех, кто дарит добро, внимание, новые идеи, при этом не выпячивая себя. А для студентов Вы, Шоѐа Константинович, неизменный авторитет, понимающий и умеющий поддержать их, придать уверенность в своих силах.

Перелистывая в эти дни свои студенческие конспекты по синтаксису абхазского языка, я выяснила для себя, что Ваша синтаксическая концепция даже в те далекие мои студенческие годы отличалась от привычных формальных определений традиционной грамматики, а проблемы логико-семантического построения простого предложения, взаимоотношения субъекта и объекта в дальнейшем получили в Ваших трудах достойный научный анализ. Можно сказать, что Вы и в этом вопросе сегодня – первопроходец.

От всей души поздравляю Вас с днем рождения. Хочу, чтобы Ваша светлая голова, острый ум и доброе сердце подпитывали нашу научную интеллигенцию. Много света и тепла Вашему дому!

Кланяюсь, Зинаида Габуниа,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, акад. РАЕН и АМАН, почетный член АНА, ведущий научный сотрудник отдела языка Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики и Республики Ингушетии.

г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

Чкадуа Лидия Платоновна

доктор филологических наук, профессор,
академик Академии наук Абхазии,
главный научный сотрудник отдела языка
Абхазского института гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа АНА.
г. Сухум, Республика Абхазия

Ш. К. АРСТАА: УЧЕНЫЙ, КАВКАЗОВЕД, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Аннотация. Статья посвящена юбилейной дате – 90-летию со дня рождения и 60-летию творческой деятельности видного абхазского ученого, первого президента Академии наук Абхазии Ш.К. Арстаа. Рассматриваются основные вехи трудовой биографии и многогранная научная деятельность по изучению морфологии и синтаксиса абхазского языка, исследованию актуальных вопросов абхазского языкознания.

Ключевые слова: Ш.К. Арстаа, биография, трудовая деятельность, научное творчество, абхазский язык.

Annotation. The article is dedicated to the 90th anniversary of the birth and 60th anniversary of the creative activity of a prominent Abkhaz scientist, First President of the Academy of Sciences of Abkhazia Sh.K. Arstaa. The main milestones of his labor biography and multifaceted scientific activity on researching grammar, morphology, syntax of Abkhazian language, the study of current issues of the Abkhazian linguistics.

Keywords: Sh.K. Arstaa, biography, labor activity, scientific creativity, Abkhaz language.

Для известного кавказоведа Шоты Константиновича Арстаа 2019 год был юбилейным годом: исполнилось 90 лет со дня рождения и 60 лет со дня начала трудовой и творческой деятельности. Сегодня он советник президента Академии наук Абхазии, главный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, действительный член Европейской академии естественных наук, действительный член Адыгской международной академии наук, профессор Абхазского государственного университета, лауреат Государственной премии Республики Абхазия в области науки имени Г.А. Дзидзария, кавалер Ордена Славы (Ахьдз апша) 2-ой степени – высшей награды Республики Абхазия. Научный вклад Ш. К. Арстаа в языкознание позволяет поставить его в один ряд с именами ведущих лингвистов мира¹. Он один из тех виднейших деятелей науки и творческой интеллигенции, чьими именами по праву гордится абхазский народ.

Ш.К. Арстаа родился 10 марта 1929 года в селе Отхара Гудаутского района Абхазии. Его отец – Кастей Арстаа был выдающимся сказителем и исполнителем старинных абхазских песен в сопровождении виртуозной игры на древнем национальном инструменте апхярца. К своему искусству Кастей приобщил и своих детей (четверых мальчиков и четверых девочек). С самого рождения они слышали дома не только обыденную речь, но и яркую, эмоциональную, богатую эпитетами и сравнениями речь прекрасного сказителя. Неудивительно, что Шота Константинович без-

¹ Ведущие языковеды мира. Энциклопедия. Анатолий Юдашкин. Москва, 2000 г. Ведущие языковеды кавказского региона. Энциклопедия. Анатолий Юдашкин. Москва, 2002 г.

укоризненно владеет родным языком, прекрасно знает народное эпическое творчество, помнит народные мелодии и хорошо исполняет их на апхярце.

Ш.К. Арстаа был лучшим выпускником Отхарской средней школы. Узнав, что в Тбилисском университете преподают абхазский язык (в условиях тотальной грузинизации, проводившейся в конце 1930-х – начале 1950-х гг., абхазские школы в Абхазии были ликвидированы), он организует группу, которая вся была зачислена на отделение кавказских языков филологического факультета. Успешно окончив университет, Ш.К. Арстаа под руководством крупнейшего специалиста по абхазско-адыгским языкам К. В. Ломтатидзе продолжает учебу в аспирантуре Института языкознания АН Грузинской ССР.

Трудовая деятельность Ш.К. Арстаа началась с работы в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Грузинской ССР (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии) и в Сухумском государственном педагогическом институте им. А.М. Горького (ныне Абхазский государственный университет). С этого времени определились основные направления его профессиональной деятельности – научно-исследовательская и преподавательская.

Научный путь Ш.К. Арстаа начался с исследований морфологии. Его первая монография «Деепричастие в абхазском языке» посвящена одному из разделов самой сложной части речи – глаголу. В этом исследовании анализ проводился на материалах диалектных и литературных форм абхазского и абазинского языков. Ш.К. Арстаа дал обстоятельное описание всех грамматических особенностей деепричастий, проявляющихся в таких грамматических категориях, как лицо, число, класс, переходность, непереходность (побудительность, возвратность, потенциалис,

время) и др. Формальные и функциональные сопоставления данных всех абхазско-абазинских диалектов показало, что между ними нет существенных расхождений. Имеющиеся незначительные материальные расхождения, наблюдаемые между тапантским диалектом, с одной стороны, и ашхарским, абжуйским, бзыпским диалектами, с другой стороны, – явления позднего характера.

Одной из особенностей деепричастия абхазского и абазинского языков является оформление непереходного глагола показателем субъекта, а переходного глагола – показателем ближайшего объекта. Впервые это выявила К.В. Ломтатидзе, которая рассматривала эту особенность как реликтовую, демонстрирующую одну из ступеней развития спряжения глагола, когда последний имел моноперсональное оформление. Анализ материала абхазского и абазинского языков, представленный в монографии Ш.К. Арстаа, подтверждает выдвинутое К.В. Ломтатидзе положение. Он позволяет проследить эволюцию спряжения глагола из моноперсонального в полиперсональный, которая четко прослеживается в деепричастиях, реализованных в сложных сказуемых: деепричастие с переходной основой в сочетании с вспомогательным глаголом оформлен как с показателем ближайшего объекта, так и показателем субъекта.

Анализ материала с позиции категории времени показал отсутствие аппозиционных образований, ориентированных на момент речи. Наличие же разных форм сигнализирует предшествующее или временное действие (или состояние) по отношению к определяемому действию. Семантика предшествования и одновременности рассматриваются также и с позиции аспектуальности: предшествование увязывается с завершенностью действия, одновременность – с незавершенностью, длительностью действия и состояния.

Описание образований всех форм деепричастий по всем абхазско- абазинским диалектам, выявление их семантических реализаций, выражающих характер действия и состояния, а также и временных планов весьма значимы в том отношении, что они позволяют представить историю развития категории времени в пределах не только данных языков, но и языков Западного Кавказа.

За первой монографией последовали исследования, посвященные конкретным вопросам морфологии. Крупным вкладом в абхазско-адыгское языкознание стала монография Ш.К. Арстаа «Проблема простого предложения в абхазском языке», основные выводы которой были представлены и защищены в диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук (1982 г.). Важно отметить, что научное лингвистическое описание и анализ конкретных языков обычно начинается с лексикологии, фонетики, фонологии, морфологии. Исследование синтаксиса, который в иерархической структуре языка занимает самую высокую нишу, является последующим этапом научного изучения конкретного языка. История научного изучения абхазского языка не является в данном случае исключением, равно как и ситуация в адыгском языкознании.

Правда, Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф в своей «Грамматике адыгского литературного языка» (1941), а позднее Н.Ф. Яковлев в «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка» многие вопросы морфологии рассматривают сквозь призму синтаксиса. Этот же подход характерен и для другой работы Н.Ф. Яковлева – «Грамматика абхазского литературного языка» (написанная в 40-х годах прошлого века, стараниями Абхазского института гуманитарных исследований монография была издана лишь в 2006 г.). Во всех этих трех монографиях основные теоретические постулаты совпадают. Были и другие работы по синтаксису, в

частности исследования К.С. Шакрыл, Н.М. Набоковой, З.Ю. Кумаховой, В.М. Карданова, И.О. Гецадзе и др. Но они в основном посвящались отдельным проблемам синтаксиса.

Значение монография Ш.К. Арстаа в том, что в пределах абхазо-адыгского языкознания это первая обобщающая, фундаментальная работа, охватывающая основные вопросы синтаксиса. В этом исследовании выявлены основные рычаги сложного синтаксического механизма, оригинального, типологически совершенно не похожего на механизм индоевропейских, тюркских, и других языков мира.

Монография Ш.К. Арстаа «Проблема простого предложения в абхазском языке», несомненно, повлияла на развитие научных знаний о синтаксисе языков Западного Кавказа (об этом свидетельствуют индекс цитирования данной работы).

Приступая к рассмотрению основных положений монографии, следует указать, что в специальной литературе, основанной на исследовании индоевропейских и других языков, выделяют три вида связи – согласование, управление, примыкание. Работа А.С. Чикобава «Проблема простого предложения в древнегрузинском языке» (1928) к перечисленным видам связи добавила еще одну – координацию. Выделение координационной связи обусловлено анализом предложений, в котором глагол предикат-сказуемое может быть не только моноперсональным, но и полиперсональным, и наличием эргативного падежа для субъекта-подлежащего при переходном глаголе-сказуемом и ненаминативного при непереходном глаголе-сказуемом. Монография Ш.К. Арстаа является второй кавказоведческой работой, в которой отношения между предикатом-сказуемым и субъектом-подлежащим, а так же объектом-дополнением описаны с позиции координационной связи. Если связи согласование, управление, примыкание предпо-

лагают одностороннюю связь от господствующего слова к зависимому, то координационная связь – двустороннюю.

Связь между ближайшим объектом и глаголом-предикатом, кос-венным объектом и глаголом-предикатом точно такая же, как между субъектом-подлежащим и глаголом-предикатом. Признавая доминантной в предложении глагол-предикат, Ш.К. Арстаа считает их равными синтаксическими единицами, формирующими костяк предложения, основу, структуру предложения.

Признак предикации – это неотъемлемая характеристика предложения. Высказывание может стать предложением только тогда, когда оно приобретет признак предикации.

О сути предикации существуют разные мнения. Часто определение предикации совпадает с определением модальности. Ш.К. Арстаа придерживается той концепции, согласно которой предикация определяется как отнесение содержания предложения к действительности, модальность же – это отношение говорящего к содержанию предложения. Считаю, что предложенная трактовка предикации и модальности наиболее оптимальная. Как известно средствами предикации является персональность, модальность и темпоральность. Модальность – часть предикации.

В монографии простое предложение исследуется не только в формально-семантическом аспекте, но и в коммуникативном. Сегодня такой разноаспектный анализ обычен, но в те года это было новшеством.

Вопрос о сложных предложениях подчинительной структуры в абхазском языке и вообще в языках Западного Кавказа в разное время решался по-разному. Описание сложных синтаксических конструкций на начальном этапе находилось под влиянием теоретических положений, выдвинутых русистами. Авторы школьных национальных учебников, научных статей, грамматик в сложных синтак-

сических конструкциях выделяли предложения сочинительного и подчинительного характера. К подчинительным относили конструкции, в которых обобщалось сочетание слов, объединяемых причастием, деепричастием, глагольным образованием с обстоятельственным формантом. С течением времени по мере развития науки о синтаксисе квалификация обособленных словосочетаний и синтаксических конструкций с данным словосочетанием изменилась. Сегодня большинство исследователей отрицают наличие гипотаксиса в абхазско-адыгском языках. Критерием для такого вывода стал признак предикативности, который является необходимым условием в построении любого предложения.

Из признаков предикативности – персональности, темпоральности, модальности (категории лица, абсолютного времени, наклонения) – причастия, деепричастия, обстоятельственные глаголы, т.е. глаголы инфинитного образования не обладают абсолютным временем, наклонением; лицевых парадигм не дают причастия, образованные от одноличных глаголов. Отсутствие таковых лишает их статуса предиката. Однако в конструкциях, в которых они реализованы с синтаксически связанными с ними словами, они также являются вершиной конструкции, ее организующим центром. Автор назвал их инфинитными оборотами, а предложение с таким оборотом – простым осложненным. Каждый оборот связан с определенным членом предложения, реже с предложением в целом. Между оборотом и членом предложения устанавливаются различные синтаксические отношения. Из простых осложненных предложений в монографии рассматриваются лишь те, в которых организующим центром является причастие, обстоятельственные глаголы и деепричастия – т.е. инфинитные образования, отсюда и термин – инфинитные обороты. В зависимости

от позиции инфинитного оборота по отношению к члену предложения, с которым он соотносится, оборот интонационно обособляется.

Важным, заслуживающим особого внимания является предложенное автором противопоставление инфинитных конструкций на конституирующие и распространяющие.

К конституирующим инфинитным конструкциям Ш.К. Арстаа относит конструкции, которые занимают позиции субъекта и объекта (ближайшего, косвенного). Они, как и обычные субъект-подлежащие, объект-дополнение, связаны предикативными отношениями, точнее, координационной связью с предикатом-сказуемым посредством личных префиксов ряда «Д» и «Л».

К распространительным конструкциям относятся те, которые не входят в структурное ядро предложения, не участвуют «в формировании и выражении категории предикативности», но синтаксически связаны с членами предложения, распространяя их дополнительной информацией. Абхазский глагол богат формами, которые вкуче со связанными с ними словами в состоянии выразить различные грамматические значения, семантически соответствующие придаточным предложением в языках с гипотаксисом: атрибутивные, локальные, временные, образа действия, причины, цели, сравнения.

В 1998 г. выходит монография Ш.К. Арстаа «Грамматика абхазского языка», часть I, в которой описываются фонетика, фонология, фонетические процессы, имена. В 2004 г. увидела свет «Грамматика абхазского литературного языка» (соавтор Л.П. Чкадуа)¹. В этой книге представлено не только обобщение общепризнанных положений, касаю-

¹ За это исследование авторы, Ш. К. Арстаа и Л. П. Чкадуа, были удостоены Государственной премии Республики Абхазия в области науки им. Г. А. Дзидзария (прим. ред.).

щихся фонетико-фонологической системы и морфологической структуры абхазского языка, впервые предложенных научному миру такими крупными кавказоведами, как П.К. Услар, К.В. Ломтатидзе и другими исследователями, но и существенно дополнены наблюдениями, основанными на конкретных изысканиях авторов. Кроме того, пересмотрена квалификация ряда образований. К примеру, глагольные образования – каузальные, превербные, версионные, союзные, взаимные, взаимообойдные, потенциальные – традиционно рассматривались в морфологии. В данном же исследовании они перенесены в словообразование. Форманты перечисленных образований синкретичны. С одной стороны, их посредством формируется новая основа с соответствующей семантикой; с другой стороны, форманты выступают как категориальные показатели, посредством которых меняются грамматические характеристики производящей основы. Ввиду того, что именно семантика производной основы корректирует морфологические основы, перевод их в раздел словообразования совершенно оправдан.

Научно-исследовательская деятельность Ш.К. Арстаа многогранна. Она охватывает почти все уровни языка. Его многочисленные работы выполнены на высоком научном уровне, представляют собой сочетание глубокого анализа большого фактического материала абхазского языка, а также учета соответствующих данных родственных языков Кавказа с их научным осмыслением в аспекте современных теоретических установок общей лингвистики.

Немаловажную роль для достижения успехов в научном поиске играет выбор методики исследования. Руководствуясь этим известным положением, Ш.К. Арстаа каждое языковое явление рассматривает в аспекте формальном, материальном, семантическом, функциональном, не смешивая и не подменяя один аспект другим. Такая методика иссле-

дования позволяет ему дать точное определение и описание конкретных явлений языка.

К примеру, многоаспектный анализ личных местоимений абхазского языка позволил Ш.К. Арстаа прийти к мнению, согласно которому личное местоимение абхазского языка не обладает категорией лица, выделение трех лиц основано на одной лишь семантике.

Другой пример. Вопрос категории лиц в существительных снимается, так как все они семантически ориентированы на третье лицо. Отсутствие лица в существительных никем не оспаривается. Однако при описании синтагмы, представленной существительным и глаголом, многие языковеды связь между ними квалифицируют как согласование. По справедливому мнению Ш.К. Арстаа, между компонентами данной синтагмы нет грамматической связи, т.к. один из компонентов не обладает категорией лица; компоненты согласуются лишь семантически.

Исследователи абхазского языка проблеме распределения всего словарного состава языка по частям речи не уделяли должного внимания, в результате чего многие единицы языка у разных исследователей оказались в разных классах. Сложившаяся ситуация требовала серьезного, всестороннего изучения спорных слов и словоформ, которое позволило бы дать им точное, научное определение в аспекте общепризнанных положений лингвистической науки. Такому анализу подверглись местоимения, числительные, наречия, имена в предикативной функции (в форме статических глаголов), что позволило Ш.К. Арстаа дать им отличные от принятых обоснованные определения. Эти исследования, несомненно, содействуют более глубокому пониманию сложных, зачастую синкретических единиц языка.

Нельзя не отметить вклад Ш.К. Арстаа в дело создания учебников и составления учебных программ по абхазско-

му языку. Первая программа, вышедшая еще в самом начале его педагогической деятельности, была на абхазском языке и предназначалась студентам недавно сформированного абхазского сектора филологического факультета Сухумского педагогического института. В программе был определен объем теоретического материала, знание которого является обязательным как филологу вообще, так и преподавателю абхазского языка в абхазских школах в частности.

В 1966 году выходит учебник «Абхазский язык (фонетика, морфология)» (соавтор Л.П. Чкадуа). Это курс лекций, в котором учтены лекции академика К.В. Ломтатидзе и работы других абхазоведов. В течение нескольких десятков лет данная книга была единственным вузовским учебником для студентов филологического факультета, в котором четко, лаконично описаны основные моменты фонетико-филологической системы и грамматических категорий, аргументированные удачными иллюстрациями из художественных произведений абхазских писателей, а также из устного народного творчества.

В 1983 году Ш.К. Арстаа издает книгу «Синтаксис абхазского языка» на абхазском языке (соавтор Л.П. Чкадуа). Книга является учебником для вуза, но в то же время это обстоятельное исследование, объектом которого является синтаксическая структура абхазского языка в целом. Почти все вопросы синтаксиса получили в ней достаточно подробное описание – связь слов, словосочетания, структура простого предложения, конструирующие ядро предложения: доминанта – глагол-сказуемое, затем подлежащее и личноотносительные дополнения, члены предложения – распространители, не входящие в структурное ядро, осложненные предложения, сложное предложение. Ввиду того что названная монография используется в качестве

учебника, освоение которого является обязательным в учебной программе филологического факультета Абхазского государственного университета, она сыграла и играет большую роль в формировании научного осмысления синтаксической структуры абхазского языка у филологов специальности «абхазский язык и литература». В «Абхазском синтаксисе», вышедшем в 2019 г. (на русском языке) предложения с однородными сказуемыми Ш. К. Арстаа относят к сложным предложениям.

Ш.К. Арстаа – соавтор школьных учебников по абхазскому языку для 5-х и 8 – 9-х классов абхазских школ.

В трудовой деятельности Ш.К. Арстаа преподавательской деятельности принадлежит особое место. С момента начала и по сей день она ни разу не прерывалась. Высокий уровень лекций, жесткая требовательность, справедливая оценка знаний позволяют бывшим его студентам с особым почтением говорить, что их преподавателем был Ш.К. Арстаа. Будучи деканом, Ш.К. Арстаа руководил учебным процессом на филологическом факультете Абхазского государственного университета.

В настоящее время группа ученых Абхазского института гуманитарных исследований под руководством Ш.К. Арстаа работает по написанию академической «Грамматики абхазского литературного языка» (на абхазском языке). Первый том, посвященный фонетике, фонологии, фонетическим процессам, морфологии, вышел в 2014 г.

Ш.К. Арстаа уделяет большое внимание вопросам топонимики Абхазии. Он автор ряда статей, посвященных изучению некоторых спорных топонимов (Пицунда, Лдзаа, Мацеста). Он входит в государственную комиссию по восстановлению исторической топонимики Абхазии, принимал активное участие в составлении географической карты Абхазии.

Ш.К. Арстаа – соавтор «Терминологического словаря абхазского языка», «Орфографического словаря абхазского языка» (рукопись). Он редактор ряда монографий, сборников, главный редактор журнала Академии наук Абхазии «Вестник».

Ш.К. Арстаа – участник многих международных, региональных местных конференций, симпозиумов, сессий. Его мнение, основанное на глубоком знании общей лингвистической теории и конкретного фактического материала, аргументированной логике рассуждений, часто становится решающим при обсуждении отдельных вопросов теории абхазского языка, а также его литературных норм.

Пазов Сергей Умарович

кандидат филологических наук, профессор,
проректор по научно-исследовательской работе
Карачаево-Черкесского государственного
университета им. У.Д. Алиева.
г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ФОРМЫ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВОПРОСА

Аннотация. В современном абазинском языке выделяют-ся 3 основные формы организации вопросительного предложения: а) вопросительные предложения, организованные с помощью вопросительных слов; б) вопросительные предложения, сформированные с помощью вопросительных аффиксов (префикса и суффиксов) в структуре глагола; в) вопросительные предложения, характеризующиеся только особой вопросительной интонацией.

Самостоятельными вопросительными словами, организуемыми вопросительные предложения, в современном абазинском языке являются *дзачIвыйа?*/*дачIвыйа?* «кто?», *йзачIвыйа?*/*йачIвыйа?*/*ачIвыйа* «что?», *зъарайа?* «сколько?», *дызда?*/*дазуда?* «кто? кого?», *йзапшыя?*/*запшыя?* «какой?» и слова, содержащие в своей структуре вышеприведенные элементы в качестве составных компонентов *йзапшхауайа?* «который?», *зъарагIвуда?* «сколько их (людей)?» и т.д. Наиболее употребительными из них и сформировавшимися как специальные слова, которые используют-

ся для организации вопросительных предложений, являются первые три.

Морфологический способ или формирование вопросительного предложения с помощью глагольных аффиксов является самой продуктивной и богатой формой организации вопросительного предложения в абазинском языке. Основные глагольные аффиксы, с помощью которых формируются вопросительные предложения в абазинском языке, подразделяются на префикс **ба-** и суффиксы **-ма**, **-да**, **-йа**, **-и**.

В представленной работе рассматриваются отдельные формы образования вопросительных предложений первого и второго типов.

Ключевые слова: абазинский язык, синтаксис, предложение, вопросительное предложение, вопросительные слова, вопросительные аффиксы.

Annotation. In the modern Abaza language, there are 3 main forms of organization of an interrogative sentence: a) interrogative sentences organized with the help of interrogative words; b) interrogative sentences formed using interrogative affixes (prefix and suffixes) in the structure of the verb; c) interrogative sentences characterized only by a special interrogative intonation.

Independent interrogative words organizing interrogative sentences in the modern Abaza language are *dzachvyya?* / *dachvyya?* “who?”, *yzachvyya?* / *yachvyya?* / *achvyya?* “what?”, *z'araya?* “how much? how many”, *dyzda?* / *dazuda?* “who? whom?”, *yzapshyya?* / *zapshyya?* “what kind? which?” and words containing in their structure the above elements as components of *yzapshkhauaya?* “what kind? which?”, *z'araghwuda?* “how many of them (people)?” etc. The most common of them are the first three, which have formed as special words that are used to organize interrogative sentences.

The morphological method or the formation of an interrogative sentence using verbal affixes is the most productive and rich

*form of organization of an interrogative sentence in the Abaza language. The main verbal affixes, with the help of which interrogative sentences are formed in the Abaza language, are subdivided into the prefix **ba-** and the suffixes **-ma, -da, -ya, -i**.*

In the present work individual forms of the formation of interrogative sentences of the first and second types are considered.

Keywords: *Abaza language, syntax, sentence, interrogative sentence, interrogative words, interrogative affixes.*

Предложение – многоплановая языковая единица. Свою основную функцию – функцию коммуникации, передачи и хранения информации, выражения мысли и т.д. язык осуществляет посредством предложения. Несмотря на то, что современная лингвистика располагает большим числом фундаментальных исследований по проблемам структуры и семантики предложения (на материале различных языков мира), сегодня все еще нет единой теории предложения, учитывающей все его составляющие. Одних только определений сущности предложения насчитывается около 200 [6, с. 39]. И каждая из них акцентирует внимание на одной или нескольких основных особенностях центральной синтаксической единицы. Многоаспектность предложения требует его исследования с разных сторон, каковыми являются логико-грамматическая, модальная, конструктивная, эмоциональная, актуальное членение, функциональная и т.д. Последний, функциональный, аспект изучения предложения направлен на определение типов предложений по цели высказывания, по коммуникативной установке.

По своей коммуникативной целеустановке современная лингвистика выделяет различные типы предложений как на материале одного языка, так и исходя из особенностей различных языков. В специальной литературе высказывается мнение, что положения функциональной классифика-

ции предложений в целом не имеют под собой чисто научной основы. «Следует отметить, - пишет И.П. Распопов, - что такое деление, проводимое хотя бы в чисто семантическом плане, с точки зрения строгой научной логики не вполне правомерно» [13, с. 86]. Это, в частности, объясняется тем, что повествовательные и побудительные предложения находятся в оппозиции к вопросительным по информативности и определенности своей семантики. В то же время побудительные и вопросительные противопоставляются повествовательным по признаку направленности (директивности, адресности) своей семантики.

Несмотря на обоснованный нигилизм, представленный в отдельных исследованиях по проблеме классификации предложений по цели высказывания, большинство специалистов, изучающих различные аспекты синтаксиса как родственных, так и типологически разных языков, выделяют 3 и более типов предложений. Например, в современном русском языке большинство исследователей выделяет повествовательные, вопросительные, побудительные предложения [8, с. 14; 2, с. 69-71; 14, с. 615]. В тюркских языках, несмотря на отсутствие единой схемы классификации, исследователями признается наличие четырех функциональных типов: а) повествовательных, б) вопросительных, в) побудительных, г) восклицательных [7, с. 129].

Нет единого мнения по этому вопросу и в абхазско-адыгских языках. В «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» (1957) и в вузовских учебниках и учебных пособиях (Х.Э. Дзасежев. «Современный кабардино-черкесский язык») выделяются три типа предложения по цели высказывания, в работах Х.Ш. Урусова («Кабардинская грамматика») и А.М. Камбачокова – четыре [6, с. 59-60]. В исследованиях Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа, в которых учтены «различные оттенки значений», квалифицировано

7 типов аналогичных предложений [3, с. 90-91]. Известный исследователь синтаксиса абхазского языка Ш.К. Арстаа выделяет 4 типа предложений по коммуникативной установке [1, с. 229-242].

Синтаксис абазинского языка стал предметом исследований не так давно [12]. Однако уже в первой монографической работе, посвященной грамматике абазинского языка, проф. А.Н. Генко определил и проиллюстрировал примерами 4 типа предложений. «В зависимости от того, какая форма наклонения сказуемого предложения – предложения можно разделить на повелительные, желательные, изъявительные и вопросительные; каждая разновидность сопровождается своей особой фразовой интонацией» [4, с. 191]. В квалификационной работе И.И. Гагиева, посвященной синтаксису простого предложения абазинского языка, характеризуются 3 типа предложения по цели высказывания: повествовательные, вопросительные и побудительные [3, с. 95-121]. Остальные возможные разновидности признаются просто более детализированными вариантами «коммуникативно-семантической классификации предложения» [3, с. 95]. В действующем учебнике абазинского языка Н.Т. Табуловой и Л.Н. Тлисовой приведены 4 типа – наряду с традиционными повествовательным, вопросительным и побудительным статус самостоятельного функционального типа простого предложения присвоен и восклицательным предложениям [15, с. 15-16].

Структурно-семантические и грамматические особенности простого предложения современного абазинского языка дают возможность выделить, на наш взгляд, четыре различных функциональных вида предложения. Три из них традиционно выделяются почти во всех соответствующих исследованиях простого предложения абхазско-адыгских языков: повествовательные, побудительные, вопроситель-

ные. Четвертый вид (оптативный или желательный) признается не всеми.

Каждый из этих типов предложений имеет свои особенности как в семантико-синтаксической организации, так и в плане функциональных возможностей.

Назначение повествовательных предложений – сообщить какую-либо информацию о фактах действительности, событиях, явлениях и т.д. В вопросительных предложениях первоначально аналогичная информация отсутствует. «Назначение вопросительных предложений – побуждение, информирующее собеседника к даче соответствующего ответа на высказываемую первым мысль – вопрос» [5, с. 391].

В современном абазинском языке выделяются 3 основные формы организации вопросительного предложения: а) вопросительные предложения, организованные с помощью вопросительных слов; б) вопросительные предложения, сформированные с помощью вопросительных аффиксов (префикса и суффиксов) в структуре глагола; в) вопросительные предложения, характеризующиеся только особой вопросительной интонацией.

Вопросительные предложения, организованные с помощью вопросительных слов, вбирают в себя признаки и остальных двух видов, т.е. они содержат в своей структуре и вопросительные аффиксы (в составе вопросительных слов), и вопросительную интонацию. Поэтому необходимо проанализировать их структурно-грамматические особенности отдельно.

Самостоятельными вопросительными словами, организующими вопросительные предложения, в современном абазинском языке являются *дзачIвыййа?/дачIвыййа?* «кто?», *йзачIвыййа?/йачIвыййа?/ачIвыййа* «что?», *ззарайа?* «сколько?», *дызда?/дазуда?* «кто? кого?», *йзапшыийа?/запшыийа?* «какой?» и слова, содержащие в своей структуре вышеприведенные

элементы в качестве составных компонентов *йзапишауайа?* «который?», *зъарагIвуда?* «сколько их (людей)?» и т.д. Наиболее употребительными из них и сформировавшимися как специальные слова, которые используются для организации вопросительных предложений, являются первые три.

В целом, все вышеприведенные слова представляли собой в недалеком прошлом вопросительные глагольные формы. Вопрос в них, как и во многих глаголах современного абазинского языка, выражается суффиксами *-да* и *-йа*. Без этих суффиксов они и сегодня свободно употребляются в структуре предложения, не создавая вопросительную семантику. *ДзачIву уара бзита дудыритI*, *Бубакъыр* – «Кто он такой – сам прекрасно знаешь, Бубакир». *Йзапишу сара йгъсыздырхуам* – «Я не помню, который» или «Я не помню, на что он похож». *Зъару уара йгладырх*, *ауаса агIв йтахIчвас аквырпIа зымгIва тдырбызIатI*. «Сколько их было - сам реши (узнай, догадайся и т.д.), они вылакали всю бурду, которую мы вылили в корыто».

Структура вопросительных слов однообразна: классно-личный префикс + относительно-местоименный префикс ряда эргатива + корень слова + глагольно-вопросительный суффикс. Конкретное наполнение компонентов вопросительного слова в разных случаях разное. В слове *дзачIвийа?* «кто?» и его усеченном варианте *дачIвийа?* «кто?» классно-личный показатель ряда номинатива *д-* (3 лицо, ед. ч., кл. человек) указывает больше на класс, нежели на лицо и число. В данном случае внимание акцентируется на класс персоны (человек, субъект), о которой идет речь (т.е. о ком спрашивается). Относительно-местоименный префикс ряда эргатива (в данном случае *з-*) занимает позицию непосредственно перед корнем слова. Этот аффикс не меняется ни по классам, ни по лицам, ни по числам. Корень слова *-чIвы-* «принадлежность, собственность» с частич-

ной десемантизацией часто используется и в других случаях (*джь-чIвы* «дуб», *был-чIвы* «горючее», *псар-чIвы* «долг» и т.д.). Носителем (выразителем) значения вопроса в данном случае является суффикс *-йа*, который кроме семантики вопроса выражает еще грамматическую категорию класса, в данном случае - класса вещей.

В современном абазинском языке часто встречается вариант вышеприведенного слова в виде *дачIвийа?* «кто?». Единственным различием между ними является отсутствие относительно-местоименного префикса ряда эргатива *з-* во втором случае. Аналогичное явление (редукция префикса *з-*) наблюдается и в других вопросительных словах, что совершенно не влияет на семантику и функциональные возможности слова.

Вопросительное слово *йзачIвийа?* «что?» имеет тот же самый структурный состав, что и предыдущее. Различие заключается в классно-личном форманте, который занимает абсолютное начало слова. Классно-личный показатель ряда номинатива *йа-* в данном случае указывает на класс вещей (3-ье лицо, ед.ч.). В усеченном варианте рассматриваемого вопросительного слова, как и в предыдущем случае, выпадает относительно-местоименный префикс ряда эргатива *з-*. У этого вопросительного слова есть еще более короткий вариант: *ачIвийа?* «что?», у которого отсутствуют относительно-местоименный аффикс ряда эргатива *з-* и классно-личный показатель ряда номинатива *й-*. При этом необходимо отметить, что частотность употребления усеченного варианта (без аффиксов *й-*, *з-*) в современном абазинском языке выше. Фактически наметилась устойчивая бинарная оппозиция вопросительных слов с классно-личным аффиксом ряда эргатива (в основном аффикса *д-*) для обозначения класса человек и без префиксов (или нулевым префиксом) для обозначения класса вещей. В данном случае необходи-

мо отметить, что классно-личные аффиксы в разных контекстах изменяются (по лицам, классам и числам).

Бара б-зачІвыйа, араѳа бГлазѳа? – «Ты кто (такая), что тебя привело сюда?» *ДзачІвыйа ауат атиква ГлазрыхІаз, упишѳтІ, аджвырагІв хІызгІайма щымтанамаз?* – «Кто напугал лошадей, посмотри-ка, кто к нам явился в такую рань?» *Щта, ачІвыйа уызкѳапицхауа?* – «В таком случае, почему покраснел (краснеешь)?» *АчІвыйа уызкѳама ѳацаз зГІасауымхІвуа?* – «Почему ты не говоришь мне (не хочешь сказать), куда делся твой кинжал?»

В целом, все вышеприведенные вопросительные слова (два основных и два их варианта) являются грамматическими формами одного отыменного глагола **чІвы-зла-ра** (←**чІвы**) «собственность есть, собственностью становиться».

Вопросительные слова *зѳарайа?* «сколько?» и уже не употребляемый его более полный вариант (*й*)*зѳарайа?* «сколько?», а также *йзапишыйа?*/*запишыйа?* «какой?» имеют совершенно аналогичную структуру. Различие в составе структурных компонентов единственное – в первом случае корнем слова является **аѳа-ра** «столько», во втором – **апи** «такой, похожий».

Нази, Нази! Зѳара рыцхІагІа йхѳтшайа баба Сафар? Зѳара рыцхІагІа дрынйайа бабаду Идрис Трыкв дангІахѳысуаз? – «Ах, Нази, Нази! Сколько бед пережил твой отец Сафар? Сколько несчастий выпало на долю твоего деда Идриса, когда он переезжал (выселялся) в Турцию?» *«Запишыйа йГІалухуа?» йхІван ахѳацІа ачкІвын тишзынайырхатІ* – «Какую выбираешь?» – обратился мужчина к мальчику». *Йзапишыйа рыцІа йагѳу – акѳапицы акІвма, момкІва ари агІважъ рыцІа угвы йагума?* – «Который лучше - красный или этот желтый тебе больше по душе?»

Вопросительное слово *дызда?*/*дазуда?* «кто? кого?» подверглось фонетическим изменениям в большей степени.

Первый, основной вариант в современном фонетическом облике состоит только из одних аффиксов: классно-личный показатель ряда номинатива ды- (ед. ч., 3-ье л., кл. чел.) + относительно-местоименный аффикс ряда эргатива з- + суффикс вопроса **-а**. Корень слова **-(а)у(а)-** «относиться, принадлежать кому, чему» выпал полностью. Он сохранился во втором варианте *да-з-у-да?* «кто?».

Дызда арахква йГІарыдхалыз, щымтадза ауат зхчушда? – «Кто остался со скотиной, кто будет сторожить их до утра?» *Дазуда зунашва учпауа хІаца?* – «О ком ты говоришь, брат?».

Самой продуктивной и богатой формами организации вопросительного предложения является морфологический способ или формирование вопросительного предложения с помощью глагольных аффиксов. Особенности функционирования этих аффиксов описаны в исследованиях акад. К.В. Ломтатидзе [9; 10], проф. Л.П. Чкадуа [17, с. 17-102] и доц. Н.Т. Табуловой [15, с. 171-176].

Глагольные аффиксы, с помощью которых формируются вопросительные предложения в абазинском языке, подразделяются на префикс **ба-** и суффиксы **-ма, -да, -йа, -и**.

Префикс **ба-** и употребляемые вместе с ним обстоятельственные глагольные аффиксы **-ѳа, -ан, -ахъ, -ш**, образуя вопросительные формы глагола, которые становятся основой формирования вопросительного предложения, приносят в его семантику значение обстоятельственности. Поэтому предложения, образованные с их помощью, чаще называют обстоятельно-вопросительными.

В современном абазинском языке префикс **ба-** присоединяется к инфинитным глаголам во всех временных формах и занимает в структуре глагола место после классно-личного форманта ряда номинатива: в непереходных глаголах - после показателя субъекта и вышеозначенных об-

стоятельственных аффиксов: *д-а-ба-ца?* «куда он пошел?», *д-ахь-на-гварцI?* «в какую сторону он вышел?», *д-ан-ба-ча?* «когда он поел?», *д-ш-на-чваз?* «как он спал?»; в структуре переходного глагола - после форманта прямого объекта и соответствующих обстоятельственных аффиксов: *й-а-ба-й-га?* «куда он то дел?», *й-ш-на-ла-у-хIв?* «как ты ей это сказал?», *й-ахь-на-цтIа-шв-цIа?* «куда вы положили?».

Обстоятельная частица места **ѡа-** в составе вопросительного слова подвергается фонетическим изменениям - выпадает смычно-гортанный **ѡ-** (**ѡа** → **а**), и в препозиции вопросительного аффикса **ба-** остается простая огласовка **а-**: *д-а-ба жв-ба?* «где вы его видели?», *й-а-ба-цтIу?* «где то (оно) лежит?», *с-а-ба-цуш?* «куда мне идти?».

В структуре глагола звонкий **б** вопросительного аффикса **ба-** в сочетании с глухими компонентами обстоятельственных частиц (**ахь-** и **ш-** оглушается (подвергается ассимиляции) и реализуется как **ахь-на-** и **ш-на-**: *д-ахь-на-ни?* «в какую сторону он посмотрел?», *д-ш-на-цтIаз?* «как он лежал?»

В определенных позициях фонетическим изменениям подвергается и гласная **а** вопросительного аффикса **ба-**. Так, в сочетаниях вопросительного аффикса **ба-** и классно-личных показателей **у-** (2 лицо, ед. ч., кл. муж.) и **й-** (3 лицо, ед. ч., кл. муж.) на границе между морфемами образуются нисходящие дифтонги **ау-** и **ай-**. В современном абазинском языке в отличие от восходящих дифтонгов нисходящие **ау**, **ай**, **уу**, **ый** имеют тенденцию к монофтонгизации и образованию новых гласных звуков **е**, **и**, **о**, **у** [4; 5, с. 294; 11]. Этот процесс наблюдается не только в структуре глагола, но и в других частях речи. Например, в именах: *жъаура* → *жъора* «тень», *майра* → *мера* «легкий», *жъыйра* → *жъира* «кузня», *дыу* → *ду* «большой» и т.д. Сочетание вопросительного аффикса **ба-** и классно-личных показателей **у-** (2 лицо, ед.

ч., кл. муж.) и **й-** (3 лицо, ед. ч., кл. муж.) в структуре одного слова и образование соответствующих дифтонгов впоследствии завершается монофтонгизацией. Именно поэтому в современном абазинском языке сосуществуют вопросительные формы глагола с полногласной и редуцированной формами префикса **ба-/б:** *йа-ба-у-ба?* → *йа-б-у-ба?* «где ты видел?», *да-ба-й-га?* → *да-б-и-га?* «куда он его отвез (повез)?», *й-ш-на-й-хIва?* → *й-ш-н-и-хIва* «как он это сказал?», *д-ш-на-у-бжьа?* → *д-ш-н-у-бжьа* «как ты его научил?» и т.д.

Все вышеприведенные фонетические варианты вопросительных глагольных форм в современном абазинском языке активно используются для образования вопросительных предложений. *АжвгIванд ддытI, ац хыстI, аква а-ба-ѡу?* – «Гром прогремел, молния ударила, а где же дождь?» *Йа-б-у-баху уара, ахълымыгIв, аквыджьма уасахауата?* – «Где же это ты, ротозей, видел, чтобы волк превращался в овцу?» *Й-шпа-й-барыз арыцIа ауатква, тшыйымдырхуата ачымазагIвтарачварта дынылазара?* – «Как же мог он, бедный, видеть все это, если лежал без памяти в больничной койке?» *Й-шп-и-ба цта асас хIтшкIва?* – *дазцIгIамI апшвыма* – «Ну и каково впечатление гостя о наших конях?» – спросил хозяин. *АтшыгIв д-ахь-на-ца?*» *йхIван ахIаджьрат ауасахча дгIарыквыцIыртI* – «Куда (в какую сторону) уехал всадник?» – прикрикнул абрек на чабанов». *Йараби, хIахца заджвыкI айныжв д-ахь-п-и-га (д-ахь-на-й-га)?* – «Да куда же (в какую сторону) унес (увез) циклоп нашу единственную сестру?». *Ауат акъвомкI бзыцIгIаквауа зымгIва ан-ба-збушыз?* – «Когда же мне было (когда же я успел бы) увидеть все то, о чем ты спрашиваешь?». *Асаби апхъарта д-ан-ба-йырца?* – «Когда он отвел ребенка в школу?» и др.

Суффиксальные способы образования вопросительных глагольных форм, которые впоследствии служат основой организации вопросительного предложения, более разно-

образны. В современном абазинском языке выделяется 4 таких суффикса: **-ма**, **-да**, **-йа**, **-и**. Суффиксы **-ма** и **-и** индифферентны в отношении грамматических классов, а **-да** и **-йа** вносят в структуру глагола не только значение вопроса, но и показывают грамматический класс лица, к которому направлен этот вопрос.

Аффикс **-ма** в современном абазинском языке имеет высокую частотность употребления, присоединяется почти ко всем временным формам финитного и инфинитного глагола. *Щарда цлума араба швбзазауицтара?* «Давно ли вы здесь живете?». *АгIвычIвгIвыс йацкIыс байа адуней дыквума?* «Разве есть на свете кто-то, кто богаче человека?». *Ухъа тасыркъвдыз ахъазла угвы сабгъума?* «Не обижаешься ли ты на меня из-за того, что постриг твою голову полностью?». *Аквиджъма уасахума?* (посл.) «Разве волк становится овцой?» и др.

Появление вопросительного аффикса **-ма** в структуре глагола в отдельных случаях приводит к фонетическим изменениям. В частности, при включении вопросительного аффикса **-ма** в структуру формы будущего времени гласный компонент аффикса **-ра** (показатель будущего I времени) подвергается частичной или полной редукции. В первом случае «переходит в иррациональный **-ы-**, а в безударном положении он полностью выпадает: *йуызхъарыма?* «то (кл. в.) тебе (кл. м.) хватит?», *уахадзарма?* «у тебя (кл. м.) будет время?» [14, с. 172].

Аффикс **-и** образует вопросительную форму от основ как финитных, так и инфинитных глаголов абазинского языка. Аналогично аффиксу **-ма** он индифферентен в отношении грамматических классов. Его особенностью является то, что, «переходя в разряд усилительно-эмоциональных частиц» [14, с. 175], в структуру вопросительного глагола (и всего предложения в целом) вносит значение подтверждения. Вопросительные предложения, образованные выше-

означенной вопросительной формой глагола, отличаются ярко выраженной вопросительной интонацией. *Шымта цажъыта уджвыквылуашыни?* «Ты же хотел отправиться с утра пораньше?». *ДзачIвыйа суырхIватIу, уара уакIенIу.* «Это же ты? А то я подумал: кто же это мог быть?». *Ауи дгIауымпиуата дуыгIвстIу?* «Он прошел мимо, даже не посмотрев в твою сторону?».

В диалогической речи аффикс **-и** часто употребляется при повторном вопросе. *ЙачIвыйа йучпуш уандухара? - Сандухари?* «Чем ты будешь заниматься, когда вырастешь? - Когда вырасту?» *УачIвы аджъамгIат чвахра йтыцIумI, уара цта? - Сари?* «Завтра все собираются на сенокос, а ты что думаешь? - А я?»

Аффиксы **-да** и **-йа** в отличие от вышеприведенных при образовании вопросительных форм глагола употребляются дифференцированно по отношению к грамматическим классам: аффикс **-да** используется для обозначения вопроса, направленного на выяснение действия или состояния, которые связаны с субъектом или объектом класса человека, аффикс же **-йа**, соответственно, употребляется в тех случаях, когда вопрос направлен на выявление действия или состояния, которые связаны с субъектом или объектом класса вещей. *Йызбахъада, йызгIахъада ачвагъварта псачва гIарауата?* – «Кто слышал, кто видел, чтобы на пашне находили рыбу?» *Анкъвакъвра йалаквезда, сычкIвын?* – «Кто участвовал в соревнованиях, сынок?» *Архъа зымгIва гIанаркIкIауата мза дукI задмыркIуайа?* – «Почему же не зажгут большую лампу, чтобы освещала все поле?» *ТипсцамгIва зрымайя йшлаз атолкъвынква?* – «Почему же не могут успокоиться седые волны?» *Уыста йрымайя ауат?* – «Что за дело у них?»

Аффиксы **-да** и **-йа** присоединяются к основам как финитных, так и инфинитных глаголов.

Аффиксы **-да** и **-йа** от отрицательных форм глагола образуют вопросительно-утвердительные формы. Предложение с таким глаголом-сказуемым по форме является вопросительным, имеет ярко выраженную вопросительную интонацию, в содержательном плане является больше утвердительным, чем вопросительным. *Арахвча Зач дзымдырузда?* – «Кто же не знал пастуха Зача?» *Лан лахьГьала дцатI ззырхIвата тацата йрымгада?* – «Разве кто-то не вышла замуж, о ком говорили, что «пошла в мать?» *Зсаби бзи дзымбауада?* – «Кто не любит своего ребенка?» *Йлымдыруазйа ауи?* – «Чего только она не знала?» *Асасчва швабыжта йырчIархIуан. Йыквымызйа ауат райшва?* – «Дорогих гостей угощали с размахом. Чего только не было у них на столе?» *ЙгIарымгвалашвахйа ауи ауахъ агIвахцыва?* – «Чего только (о чем только) не вспомнили в ту ночь сестры?»

Литература

1. *Аристава Ш.К.* Проблема простого предложения в абхазском языке. – Тбилиси: ТГУ, 1982. – 255 с.
2. *Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.* Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1981. – 272 с.
3. *Гагиев И.И.* Синтаксис простого предложения в абазинском языке. Дисс. д. филол.н. – М., 2000.
4. *Генко А.Н.* Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 204 с.
5. *Кабардино-черкесский язык* /Под ред. М. А. Кумахова. В 2 томах. Т. 1. – Нальчик: издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 520 с.
6. *Камбачоков А.М.* Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 236 с.
7. *Кетенчиев М.Б.* Парадигма простого предложения по цели высказывания в карачаево-балкарском языке //Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности: Тезисы III Международной научной конференции. – Махачкала, 2012. – С. 129-130.

8. *Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высш. шк., 2004. – 247 с.
9. *Ломтатидзе К.В.* Тапантский диалект абхазского языка. – Тбилиси, 1944. – На груз. яз. – Резюме на рус. яз.
10. *Ломтатидзе К.В.* Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. – Тбилиси, 1954. – На груз. яз. – Резюме на рус. яз.
11. *Ломтатидзе К.В.* Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 344 с. – на груз. яз.
12. *Пазов С.У.* Абазинский литературный язык. Очерки фразеологии и синтаксиса. – Карачаевск: КЧГУ, 2000. – 270 с.
13. *Распопов И.П.* Строение простого предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1970.
14. *Табулова Н. Т.* Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976. – 352 с.
15. *Тобыль Н., Тлыс Л.* Абаза бызшва. Синтаксис. 8-9 аклассква. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1993. – 255 с.
16. *Современный русский язык:* Учебн. под общей редакцией Л. А. Новикова. – СПб.: Лань, 2003. – 864 с.
17. *Чкадуа Л.П.* Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. – Тбилиси: Мецниереба, 1970. – 311 с.
18. *Allen Y. S.* Structure and System in the Abaza Verbal Complex // Transaction of the Philological Society. – Hertford, 1956. P. 127-176.
19. *Lomtadidze K., Klychev R.* Abaza // The Indigenous Languages of the Caucasus. Volume 2. The North West Caucasian Languages. Delmar, New York: Caravan Books, 1989. P. 89-154.
20. *O'Herin Brian.* Case and Agreement in Abaza. SIL. International and the University of Texas at Arlington, 2002. – 287 p.
21. *Pazov S.U.* About Some Peculiarities of Syntactic Relations of the Principal Parts of the Sentence in Abazin Language // Mediterranean Journal of Social Sciences. -Vol. 6, No 2, S4 /MCSER Publishing, Rome-Italy, 2015. – P. 141-144.

Биданок Марзият Мугдиновна

доктор филологических наук,
заместитель директора по науке
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева.
г. Майкоп, Республика Адыгея

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В АДЫГЕЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Синтаксические варианты в адыгейском языке занимают значительное место. В данной статье автор анализирует в каких конструкциях допускаются варианты формы главных членов предложения. Также рассматриваются территориальные диалекты и интердиалектные формы и нормы адыгейского литературного языка.

Ключевые слова: Адыгейский язык, диалекты, синтаксический, варианты, литературный, интердиалектный.

Annotation. Syntactic variants in the Adygean language occupy a significant place. In this article, the author analyzes which constructions allow variant forms of the main members of the sentence. Territorial dialects and interdialect forms and norms of the Adyge literary language are also considered.

Keywords: Adyge, dialects, syntactic, variants, literary, interdialect.

Синтаксические варианты относятся к числу наиболее изученных аспектов варьирования в адыгейском языке.

З.Ю. Кумахова, отметив что вопрос о синтаксических вариантах, в том числе и о вариантности согласования, в адыгских языках не получил однозначного решения, пишет, что «вопрос о согласовании в числе между главными членами предложения остается открытым в адыгском языкознании. Заметим, что различия во взглядах исследователей объясняются состоянием адыгских литературных языков, допускающих варианты формы согласования, хотя их функциональная и экспрессивно-стилистическая нагрузка не тождественны в пределах литературной нормы» [1, с.161].

Главные члены предложения допускают варианты формы согласования в числе:

1) в номинативных конструкциях между подлежащим, выраженным существительным, и сказуемым, например: КІалэхэр кьалэм ежъагъ – КІалэхэр кьалэм ежъагъэ-х – «Ребята отправились в город»;

2) в номинативных конструкциях между подлежащим, выраженным существительным в сочетании с числительным и сказуемым, например: Нэбгыритфыр кьыІухъагъ – Нэбгыритфыр кьыІухъагъэ-х – «Подошли пять человек»;

3) в номинативных конструкциях между однородными подлежащими, образованными повторяющимся суффиксом -рэ, и сказуемым, например: Аслъанрэ иньбджэгъурэ зэзао – Аслъанрэ иньбджэгъурэ зэзао-х «Аслан и его товарищ дерутся между собой»;

4) в номинативных конструкциях между однородными подлежащими более двух, образованных повторяющимся союзным суффиксом -и, например: Тисад чэрэзи, мыІарыси, кьыпцІи кьыдакІэ – Тисад чэрэзи, мыІарыси, кьыпцІи кьыдакІэ-х – «В нашем саду растут и вишня, и слива».

Вариантные синтаксические формы образуются при согласовании сказуемого с ближайшим (прямым) дополне-

нием, например: Ащ чэмхэр дефы – Ащ чэмхэр дефы-х – «Он выгоняет коров».

Далее рассмотрим территориальные диалекты и интердиалектные формы.

В адыгейском языке литературному языку противопоставлены территориальные диалекты и интердиалектные формы.

Между адыгейским литературным языком и территориальными диалектами существует взаимосвязь. Возникнув на базе одного из диалектов, адыгейский литературный язык обогащается и за счет других диалектов. В то же время он противопоставляется диалектам, так как пути развития литературного языка и диалектов не совпадают: если литературный язык используется на всей территории распространения данного языка, обслуживает всех носителей этого языка, имеет устную и письменную формы, то территориальные диалекты распространены только на отдельных территориях, обслуживают часть носителей языка, не имеют письменной формы.

Как уже отмечалось, наиболее существенным препятствием на пути создания литературного языка явилась многодиалектность адыгейского языка. Принципиальное значение имел выбор опорного диалекта (или диалектов). Необходимо было учитывать реальную перспективу на стирание межплеменных и междиалектных различий, на формирование единого национального языка. Дилемма заключалась в том, что ориентация письменности на более простую фонетическую систему темиргоевского диалекта приводила алфавит в противоречие с более сложной фонетической системой западноадыгских диалектов; ориентация же на западноадыгские диалекты с введением знаков, соответствующих четверичной системе согласных, привела бы к навязыванию восточным диалектам уже исторически изжитой ими четверичной системы.

Несмотря на это, отдельные адыговеды, как было отмечено выше, стараются показать территориальные формы в качестве литературных вариантов. Ф.П. Филин пишет: «Однако это является недоразумением. Вариант, как известно, – видоизменение, разновидность чего-либо. По отношению к литературному языку термин «территориальный вариант» может означать только равноправное существование в различных местностях неодинаковых средств выражения одного и того же, причем на всех языковых уровнях... В настоящее время, например, нормы американского варианта начинают распространяться в Англии и сосуществовать с литературными нормами метрополии, но это другой вопрос. Но есть ли основания говорить о московском, воронежском, архангельском, сибирском и т.д. территориальных вариантах русского литературного языка, одинаково образцовых, равноправных? Таких оснований нет. Нельзя ставить в один ряд общепринятые литературные нормы и диалектные отклонения от них» [2, с. 140-141].

В настоящее время все специалисты едины в том, что адыгейский язык распадается на четыре диалекта: абадзехский, бжедугский, темиргоевский и шапсугский. В наше время, когда социально-экономическая и культурная жизнь адыгейского народа приобрела широкий размах, когда школа, печать, театр, радио, телевидение сильно воздействуют на территориальную речь, не только ее функции ограничены, но и разрушается фонетическая и грамматическая система диалектов. По степени нивелировки особенностей адыгейские диалекты можно разделить на две группы: диалектная речь, распространенная в Республике Адыгея, и диалектная речь, распространенная за пределами Республики Адыгея.

В первую группу входят абадзехский, бжедугский и темиргоевский диалекты. Под влиянием литературного

языка эти диалекты теряют многие фонетические и морфологические признаки. Например, разрушилась система спирантов абадзехского диалекта. Так, молодые абадзехи сейчас не произносят щэмы (вместо лит. чэмы), гушъхъабжэ (вместо лит. гушъхъабжэ), нэф къэшы (вместо лит. нэф къэшъы) и т.д. В бжедугском диалекте наблюдается ослабление четверичной системы согласных. Иными словами, абсолютное большинство представителей вышеназванных диалектов свободно владеет литературным языком и пользуется им в учебных заведениях, культурных учреждениях и в других общественных местах. В то же время диалектной речью они пользуются в семье, при встречах соплеменников. Итак, представители этих диалектов образуют особую диглосную речь: в зависимости от ситуации они пользуются то литературным языком, то диалектной речью. Все это ослабляет функции этих диалектов.

Ко второй группе относится шапсугский диалект (за исключением жителей четырех аулов, находящихся на территории Республики Адыгея). Поскольку шапсуги живут за пределами республики, то они не испытывают такого влияния литературного языка, в результате чего шапсугский диалект почти полностью сохранил свои функции, и структура его к настоящему времени мало изменилась.

Таким образом, сейчас для абадзехского, бжедугского, темиргоевского диалектов характерен процесс ускоренного олитературивания диалектной речи, т.е. эти диалекты по своим параметрам ныне уже не соответствуют системе «классического диалекта» типа шапсугского. Можно сказать, что носители этих диалектов образуют литературно-диалектное двуязычие. «Диглосная речь способствует олитературиванию диалектной речи, снимая, таким образом, вопрос о поляризации диалектной и литературной лекси-

ки». Об этом свидетельствует тот факт, что диалектная лексика полностью (за редким исключением) входит в состав литературного языка, пополняя синонимические ряды, например: къампIэ – шъхъэхадэ «перхоть», хъампIырашъу – хъантIыргъэпIый, къангъэпIый «бабочка» и др.

Интердиалектные формы отличаются от диалектных тем, что они, с одной стороны, являются наддиалектными, общеупотребительными, с другой стороны, в отличие от адекватных нормализованных слов, не рекомендуются к употреблению в литературном языке. А.А. Шаов к интердиалектным формам относит те, которые «являются общеупотребительными, но которые отличаются от литературных структурными изменениями, не дающими быть образцовыми». Как отмечает А.А. Шаов, в адыгейском языке интердиалектные формы отличаются от литературных:

1) разным составом гласных, например: непэ – нэпэ (инт.) «сегодня», некIо – нэкIо (инт.) «пошли»;

2) разным составом согласных, например: кIэкъыпс – кIэкъыц (инт.) «новейший», сщэфыгъэ – чэфыгъэ (инт.) «купил»;

3) выпадением гласного, например: быракъ – бракъ (инт.) «флаг», ау щытыми – ауштми (инт.) «если даже так»;

4) наличием согласного, например: хъатэ – пхъатэ (инт.) «особенный, значительный», пцIыгус – пцIыгупс (инт.) «обманщик»;

5) выпадением целого слога, например: ащыгъум – амэ (инт.) «тогда»;

6) перестановкой слогов: лъэшэу – шэльэу (инт.) «очень, сильно», заул – лауз (инт.) «несколько»;

7) усечением слогов, например: арыти – ти (инт.) «поэтому», арышъ – шъы (инт.) «следовательно, таким образом», тыдэ – тэ (инт.) «куда, где»;

8) появлением вместо согласных щы, жь согласного й, например: ащ – ай (инт.) «от», шъощ – шъой (инт.) «вас», джащ – джай (инт.) «тот», дэжь – дэй (инт.) «к, около».

Таким образом, в настоящее время орфографическая традиция не позволяет включить т.н. интердиалектные формы в состав литературного языка. «Интердиалект в современных адыгских языках, – пишет А.А. Шаов, – это переходный языковой слой, передающий начавшиеся колебания между диалектами, с одной стороны, и литературным языком – с другой. Он выступает как особая наддиалектная форма, возникшая в результате наддиалектного контактирования, и занимает место между диалектом и литературным языком. Отсюда, поскольку адыгейская орфографическая традиция закрепила за интердиалектизмами ярлык нелитературности, такие формы не следует отнести к литературным вариантам» [3, с. 213].

Литература

1. *Кумахова З.Ю.* Развитие адыгских литературных языков. – М.: Наука, 1972.
2. *Фомин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981.
3. *Шаов А.А.* Основы адыгской лексикографии. – Майкоп: Адыг. Отд. Краснодар. кн. изд-во., 1988.

Хагба Лили Ризовна

*доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент Академии наук Абхазии,
заведующая отделом языка Абхазского
института гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа АНА.
г. Сухум, Республика Абхазия*

ИНДЕФИНИТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АБХАЗСКОМ, АБАЗИНСКОМ И АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В абхазско-адыгских языках конструкция предложения зависит от того, в какой падежной форме выражен реальный субъект (подлежащее). В адыгских языках, в которых наличествует система склонения, для выражения субъекта используются именительный и эргативный падежи, в связи с чем реализуются номинативный и эргативный конструкции.

В абхазском языке нет падежной системы, но схема номинативной и эргативной конструкций сохраняется с помощью субъектно-объектных показателей двух рядов – «Д» и «Л».

В статье рассматривается сосуществующая с означенными конструкциями неопределенная (индефинитная) конструкция, признанная исторически единственной конструкцией простого предложения в адыгских языках. В ней реальный субъект и объект не имеют показателей. Этим фактом данные адыгских языков совпадают с данными абхазского и

абазинского языков, в которых эта конструкция сохранилась в чистом виде.

Первичность неформальной конструкции подтверждается частотностью её употребления в поговорках и поговорках.

Ключевые слова: абхазский язык, абазинский язык, адыгейский язык, кабардино-черкесский язык, синтаксис, предложение, индефинитная конструкция.

Annotation. *In the Abkhaz-Adyghe languages, the construction of a sentence depends on the case form in which the real subject is expressed. In Adyghe languages, in which there is a declension system, nominative and ergative cases are used to express the subject, and therefore, nominative and ergative constructions are implemented. In the Abkhaz language there is no case system, but the scheme of nominative and ergative constructions is preserved with the help of subject-object indicators of two series - "D" and "L". The article considers the indefinite construction coexisting with the denoted constructions, recognized historically as the only construction of a simple sentence in Adyghe languages. The real subject and object have no indicators in it. With this fact, the data of the Adyghe languages coincide with the data of the Abkhaz and Abaza languages, in which this construction has been preserved in its pure form.*

The primacy of the unformed design is confirmed by the particularity of its use in proverbs and sayings.

Keywords: *Abkhaz language, Abaza language, Adyghe language, Kabardino-Circassian language, syntax, sentence, indefinite construction.*

В современных исследованиях разноструктурных языков подтверждается тезис Э. Бенвениста об антропоцентрически устроенной лингвистике. Человек не может не

присутствовать в языке, объективируясь и субъективируясь в его структуре и семантике [5, с.8].

Исследование структуры предложения было и остается одной из актуальных проблем синтаксиса любого языка.

В центр современного языкознания выдвигаются фигуры Говорящего или Произносящего, Слышащего и Созерцающего. Компоненты парадигмы означенных лиц в разных языках представлены по-разному, в зависимости от конструкции предложения.

Из специальной литературы известно, что абхазские, абазинские и адыгские предложения обладают конструктивными особенностями.

Конструкция предложения зависит от того, в какой падежной форме выражен реальный субъект (подлежащее).

В работах исследователей адыгейского и кабардино-черкесского языков, в которых наличествует система падежей, таких как Г.В. Рогова, З.И. Керашева, У.С. Зекох, М.А. Кумахов, А.К. Шагиров, А.М. Камбачоков и других, обосновано положение о том, что для выражения субъекта используются именительный и эргативный падежи, что в свою очередь зависит от семантики глагола, противопоставления переходных и непереходных глаголов.

В связи с этим в адыгских языках выделяются номинативная, эргативная и индефинитная (неопределенная) конструкции. В номинативных конструкциях лицо субъекта стоит в именительном падеже, оно маркировано суффиксом – **р**: *Щалэ-р ыцыц* – «Юноша сидит».

В эргативных конструкциях – субъект в эргативном падеже, он маркирован суффиксом – **м**: *Щалэ-м абрэджхэр и унэ ишац* – «Юноша отвел абреков к себе домой».

В монографии «Кабардино-черкесский язык» отмечается: «... принцип определения конструкции предложения нельзя связывать только с формой падежа реального

субъекта, поскольку в отличие от абхазского и абазинского языков, не имеющих падежного противопоставления и в связи с этим конструкция предложения реализуется только в глаголе с помощью субъектно-объектных показателей» [2, с.484].

Непревзойденный специалист по синтаксису абхазского языка наш многоуважаемый юбиляр пишет: «Ападежкәа шы́камгы, апсуа бызшәаҕы аноминативтә, аергативтә система асхема нагзаны иаарцшуп морфологиатә маҕәахәыла «Д» ариад иатәуи «Л» ариад иатәуи асубиект-обиекттә хаҕытә цынгылақәа функциалеи позициалеи реиҕагылара абзоурала» [1, с.82]. – «Несмотря на отсутствие падежей в абхазском языке, схема номинативной и эргативной системы выражена в полном объеме морфологическим способом: функциями и позиционными противопоставлениями субъектно-объектных личных показателей рядов «Д» и «Л» [Перевод наш – Л.Х.].

Мы, носители родственных кавказских языков, должны дорожить всем, что нас объединяет, в связи с чем хочу процитировать некоторые выводы из монографии «Кабардино-черкесский язык»: «...абхазский и абазинский языки продолжают состояние эргативной конструкции, характерное для эпохи западнокавказского языкового единства...» [2, с.486].

Интересующие нас в данном случае предложения индефинитной (неопределенной) конструкции характеризуются тем, что реальный субъект и объект в них не маркированы, т.е. не имеют показателей. Этим фактом они совпадают с данными абхазского и абазинского языков.

В исследованиях по адыгским языкам отмечается: «Индефинитная конструкция является более древней по сравнению с номинативной и эргативной» [3, с.369].

«Анализ языкового материала в плане диахронии показывает, что неоформленная конструкция предложения

в адыгских языках была исторически единственной конструкцией простого предложения при переходных и непереходных глаголах, она в чистом виде сохранилась в абхазском языке» [2, с. 487].

Аналогично адыгским конструкциям, синтаксическую позицию сказуемого в абхазских и абазинских предложениях могут занимать переходные и непереходные глаголы и другие самостоятельные части речи. В роли субъекта и объекта выступают личные местоимения, имена, причастия. Например:

абх. *Сара уара иацы узбеит* – «Я тебя (м.) вчера видел (видела)», букв.

«Я ты (м.) вчера видел (видела);

абаз. *Сара уара иацы узбатI*;

каб.-черк. *Сә уә дьгъуасә услъэгъуащ*;

адыгейск. *Сә уә тыгъуасә услъэгъугъ.*

абх. *Дарбан / (дызустә) ашәкәы згаз?* – «Кто захватил (взял) с собой книгу?» (букв. «Кто книга захватил (взял) с собой?»).

абаз. *ДзачIвыйа (дызда) акнига згаз?*

каб.-черк. *Хәт тхылъ къыздищта?*

адыгейск. *Хәт тхылъыр зыштагъэр?*

По мнению исследователя синтаксиса ингушского языка Тариевой Л. У. личные местоимения первого лица квалифицируются как универсалии. Они представлены на различных уровнях структуры языка, принимают непосредственное участие в субъектно-объектной дистрибуции, в каузативных процессах различных языков, грамматически представляют ядерный падеж имени в номинативных языках и основные падежи в эргативных языках, валентны классным показателям (родовой категории) – [5, с.8].

Древность индефинитной конструкции подтверждается тем, что она чаще встречается в пословицах и поговорках. Например:

абх.: *Ажэ ашьаны ахэыс ашьуам* – «Коровья нога не убивает теленка» (букв. «Корова нога теленок не убивает»);

абаз.: *Ажв ащанІы ахІвыс гьащуам*;

каб.-черк.: *Жэм лъакъуэ шкІэ иукІыркъым*;

адыгейск.: *Чэм лъакъо шкІэ ыукІырэн*.

абх.: *Зыбз хаау асыс Ѡ-уасак ирыџаџоит* или *Зыбз хаау асыс иаинугъы аџоит, иаинымгъы аџоит* – «Ласковый ягненок двух маток сосет» (букв. «Чей язык сладкий ягненок две овцы сосет»), т.е. «Ласковое слово вознаграждается».

абаз.: *Зыбыз хъгІу асыс гІвуасакІ ирыџачвитІ*;

каб.-черк.: *Зи бзэ ІэфІ щынэ мэлитІ џІоф*;

адыгейск.: *Щъынэ Іаџор мэлитІу яшџо*.

Семантика таких предложений – это яркие факты общего языкового мышления наших народов.

Считаем возможным сконцентрировать внимание на следующем: позиция личных местоимений 1 и 2 лица, выполняющих функции подлежащего и дополнений, не является значимой: Например: «Я вас видел» – в абхазском: *Сара шџара шџызбеит, Шџара сара шџызбеит*; в абазинском: *Сара швара швызбатІ, Швара сара швызбатІ*; в кабардино-черкесском: *Сэ фэ фыслъэгъуащ, Фэ сэ фыслъэгъуащ*.

Эти предложения отличаются друг от друга только стилистически, семантика при этом не нарушена, т.к. позиция личных префиксов субъекта и объекта в глаголе-сказуемом четко зафиксирована.

Необходимо остановиться также на вопросе функционирования собственных имен в рассматриваемой конструкции, где наши языки обнаруживают полную идентичность.

Личные имена выступают в индефинитных конструкциях в синтаксической позиции реального субъекта и объектов. В специальной литературе отмечается, что активно функционирующие в адыгских языках именительный и эрагативный падежи при собственных именах вошли в употребление сравнительно поздно [2, с.487]. Рассмотрим следующие конструкции:

абх. *Адамыр Даур диџылеит* – «Адамыр Даура встретил».

абаз. *Мурадин ХІаджъисмель дйыныйамІ* – «Мурадин Хаджисмеля встретил».

каб.-черк. *Аскер Асхад хуэзаџ* – «Аскер Асхада встретил»;

адыгейск. *Марджъанат Сакинат ІукІагъ* – «Марджанат Сакината встретила».

абх. *Аслан Нестор Осман диаирџаџеит* – «Аслан заставил Нестора поговорить с Османом»;

абаз. *Азамат Нальби Айдамыр дйыйрачважватІ* – «Азамат заставил Нальби поговорить с Айдамыром»;

каб.-черк.: *Башир Жамал Кантемыр иригъэпсэлъаџ* – «Башир заставил Жамала поговорить с Кантемиром»;

адыгейск. *Зубер Ибрагим Нургали ригъэзыгъ* – «Зубер заставил Ибрагима поговорить с Нургали».

Как видно, имена ничем не маркированы, они разграничиваются только их последовательностью. В предложениях с двумя личными именами субъект на первом месте, объект следует за ним; в предложениях с тремя личными именами – реальный субъект на первом месте, за ним – понуждаемый к совершению действия объект, за ним – другой объект. Перестановка имен ведет к изменению семантики предложения, что квалифицируется нарушением логики.

Исследователями адыгских языков отмечается, что в индефинитных конструкциях с личными именами в функции

субъекта и объекта иногда происходят изменения в выражении объекта, которые влияют и на оформление субъекта. Так в кабардино-черкесских конструкциях при собственных именах стали появляться показатели именительного падежа **-р** и эргатива **-м** [2, с.488].

А в диалектах современного адыгейского языка в именительном падеже личные имена не имеют падежных окончаний, а в эргативном падеже иногда появляется **-ы-**:

Умары ыгу рихьыгъэн – «Умару это не понравилось», сравним: *Умар ыгуагъ* – «Умар сказал». Г.В. Рogaва и З.И. Керашева заключают, что «все эти колебания происходят, по всей вероятности, из-за того, что появление падежных окончаний в собственных именах представляет собой новое явление, не успевшее охватить все диалекты и все собственные имена в одинаковой степени» [3, с.370].

В этом плане абхазский и абазинский языки сохраняют изначальную аранжировку субъектно-объектных показателей, последовательность и формы собственных имен в составе индефинитных (неопределенных) конструкций.

Литература

1. Арстаа Ш.К. Абхазский синтаксис / абх. Сухум, 2016.
2. Кабардино-черкесский язык. Том I. Нальчик, 2006.
3. Рogaва Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар – Майкоп, 1966.
4. Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка. Черкесск, 1976.
5. Тариева Л.У. Парадигма лица в языках эргативного строя. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик, 2017.

Магомедов Магомед Ибрагимович

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела языка
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН.
г. Махачкала, Республика Дагестан

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ АВАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Аннотация. В структурном отношении аварский язык и его диалекты представляют собой весьма сложное и многообразное явление. Основными элементами аварского языка являются литературный язык со своими письменной и устной формами и диалектные формы языка с многочисленными говорами.

Диалекты и говоры, находящиеся в иноязычном окружении, сохраняют в большей степени архаические языковые черты.

Ключевые слова: синтаксис, предложение, диалект, наречие, говор, актант, литературный язык.

Annotation. Structurally, the Avar language and its dialects are a very complex and diverse phenomenon. The main elements of the Avar language are literary language with its written and oral forms and dialectal forms of the language with numerous dialects.

Dialects and dialects located in a foreign language environment preserve archaic linguistic features to a greater extent.

Keywords: syntax, sentence, dialect, dialect, actant, literary language.

В качестве критериев членения языкового ареала на диалекты учитываются, как правило, следующие факторы: во-первых, наличие или отсутствие взаимопонимания между носителями диалектной речи; во-вторых, наличие или отсутствие единой письменной литературной нормы или же наличие корней; в-третьих, наличие или отсутствие у носителей диалектов сознания этнического единства, которое выявляется в едином самосознании и самоназвании.

Аварский язык подразделяется на два больших наречия – северное и южное. В северное наречие входят диалекты: восточный, западный (или салатавский) и хунзахский. Южное наречие составляют следующие диалекты: закатальский, анцухский, карахский, андалальский и гидский. Особенности тех или иных диалектов образуют сложное переплетение изоглосс.

Если представители каждого наречия относительно свободно понимают друг друга, то взаимное понимание речи представителями северного и южного наречий в значительной степени затруднено некоторыми различиями этих наречий в области фонетики, морфологии и лексики. В географическом плане диалектные черты могут иметь определенную территорию распространения, за пределы которых их почти не отмечают. Тем не менее, развиваясь в тесном взаимодействии, при наличии объединяющего единого литературного языка аварские диалекты подвергаются изменениям, несмотря на значительные их расхождения.

Взаимоотношения между аварскими диалектами, степень их общности и различия определяются не одним признаком, а целым комплексом признаков. Такой подход дает возможность составить более цельное представление об аварских диалектах.

Все аварские диалекты оказывают определенное влияние друг на друга. Однако несмотря на взаимный характер контактирования этих диалектов, сильнее других на прочие диалекты влияет хунзахский диалект, который вобрал в себя наиболее общие черты других диалектов. Задача выявления общих и частных закономерностей междиалектных взаимодействий представляет собой необходимый этап в изучении аварских диалектов.

Развитие любого языка тесно связано с историей развития самого народа, с его культурно-экономическим статусом и социально-политической структурой общества. Для исследования истории аварского языка роль диалектологии становится еще более значимой, так как диалектные данные являются для него единственным источником, компенсирующим отсутствие письменных памятников.

Языковые процессы в каждом ареале протекают не с одинаковой интенсивностью. Отсутствие письменных памятников затрудняет исследование исторического синтаксиса аварского языка, поэтому ограниченным источником для диахронического изучения остается диалектный материал, который служит незаменимым средством при исследовании процессов, определивших синтаксический строй аварского литературного языка.

Наиболее интересным источником изучения аварского языка в историческом аспекте могут служить говоры и диалекты, оторвавшиеся в историческом прошлом от основных диалектов. В этом отношении представляет большой интерес закатальский диалект, находящийся в окружении азербайджанского языка, говор с. Кусур, расположенный в окружении рутульского языка, а также речь аварцев, проживающих компактно в странах Ближнего Востока.

Для установления исторических изменений в тех или иных явлениях необходимо сравнение изолированных

языковых единиц с формами литературного языка. Такое сопоставление дает материал для изучения различных уровней языка: фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, обеспечивает возможность сопоставления различных диалектных данных, с помощью которых могут быть прослежены все оттенки значения и частотности употребления той или иной синтаксической конструкции.

Недостаточная изученность синтаксиса аварского языка относительно других уровней языка неоднократно отмечалась в лингвистической литературе. По-видимому, это не случайно. Очевидно, кроме субъективных факторов (малой изученности) есть и чисто объективные причины: изменения в структуре предложения (в синтаксисе) происходят гораздо медленнее, чем на других уровнях языка. Отсюда и меньше черт различий в синтаксисе диалектов. Элементы, общие для всех диалектов, значительно преобладают над частными, различительными. Более того, именно общие элементы всех диалектов определяют синтаксический строй аварского языка. К таковым относятся: типы словосочетаний, способы соединения слов между собой в составе словосочетаний и предложений, типы предложений и основные способы их построения и др. Однако, совпадая в своих основных чертах, синтаксические структуры диалектов имеют и некоторые различия. Так, наблюдается тенденция утраты диалектных черт под воздействием литературного языка, а также в результате влияния русского языка, в других диалектах сохранились архаичные синтаксические конструкции, в третьих произошли определенные изменения в ходе развития языка. Здесь мы рассматриваем различия, установившиеся в более или менее отдаленное время. Задача выявления общих и частных закономерностей междиалектных взаимодействий представляет собой необходимый этап в изучении аварских диалектов. Общая

структура аварского предложения, его содержание, размеры и т.д. в процессе исторического развития, вероятно, претерпели определенные сдвиги и изменения.

Одна из причин малой разработанности синтаксических явлений в аварских диалектах заключается в том, что до сих пор отсутствуют обобщающие работы по данной проблеме, хотя бы и чисто описательного характера, ограничивающиеся синхронным планом, но вместе с тем с точным указанием границ распространения той или иной синтаксической конструкции. В такой работе должна быть указана полная характеристика синтаксических явлений диалектов с указанием черт, общих с литературным языком, а также особенностей, не свойственных литературному языку.

Развитие любого языка тесно связано с историей развития самого народа, с его культурно-экономическим статусом и социально-политической структурой общества. Для исследования аварского языка роль диалектологии становится еще более значимой, так как диалектные данные являются для него единственным источником, компенсирующим отсутствие письменных памятников. Однако в дагестанской диалектологической литературе нет ни одной работы, посвященной специально синтаксису диалектов.

В нынешних условиях лексико-грамматическая норма аварского литературного языка складывается в стихии борьбы против иноязычных элементов и обращения к национальным, внутренним ресурсам. В связи с расширением общественных функций литературного языка и его возрастающим влиянием на диалекты и говоры происходит их нивелировка и сближение с нормами литературного языка. Что касается территориальных диалектов, то они входят во взаимоотношения с литературным языком, как правило, через общенародную разговорную речь. Свою функцию аварский литературный язык в полной мере выполняет

потому, что он понятен широкому кругу людей и близок к общенародной речи.

История развития человеческого общества не знает случаев, когда бы языки развивались без взаимодействия с другими языками и не оказывали друг на друга влияние. Проблема взаимодействия аварского языка с другими языками и со своими диалектами продолжает оставаться актуальной.

Известный синтаксист Т.П. Ломтев отмечал, что структура предложения имеет семантизированный характер, несет определенную информацию. Он писал: «Модель предложения обладает отвлеченною формальной значимостью, в которой фиксируется общий характер отношений между предметами и общий характер ее структурных элементов» [2, с. 68].

Семантическая структура предложения складывается из набора определенных смысловых компонентов, называющих участников (субъект, объект) и обстоятельства (причина, место, время и т.д.), а также компонента, указывающего на характер связывающего их отношения (предикативный признак).

Рассмотрим предложение: *Инсуда вихъана кагъат хъвалев вас* – «Отец увидел сына, который писал письмо» (букв. «отец увидел письмо пишущего сына»). Здесь субъект предложения представлен локативом I серии *инсуда* (от *эмен* «отец»), предикат – глаголом внешнего восприятия *вихъана* «увидел», а словосочетание *кагъат хъвалев вас* «письмо пишущий сын» целиком выступает выразителем объекта предложения. В составе данного словосочетания представлены два объектных актанта в номинативе: *кагъат* «письмо» и *вас* «сын». Актант в номинативе *кагъат* является выразителем объекта действия по отношению к *вас*, а актант в номинативе *вас* является выразителем субъекта действия

по отношению к *кагъат*. Но актант *вас* одновременно является также объектом действия по отношению к субъекту предложения *инсуда*. Следовательно, актант *вас* в одном и том же предложении одновременно является и субъектом действия (в структуре словосочетания) и объектом действия (в структуре предложения): субъектом действия по отношению к имени в номинативе *кагъат* и объектом действия по отношению к имени в локативе I серии *инсуда*. Глагол-сказуемое *в-ихъана* своим префиксальным классно-числовым показателем *в-* координируется только с актантом *вас*. Таким образом, в словосочетании *кагъат хъвалев вас*, являющемся в целом выразителем единого грамматического объекта предложения, представлены два разнохарактерных объектных актанта [3, с. 156].

Различные конструкции предложений предопределяются, как правило, характером предикатов, а также сочетательными способностями различных лексико-семантических групп глаголов и имен. Учет этих особенностей позволяет системно описать группы предложений, организуемых классами предикатов одной семантики, а также выявить разнообразные их структуры. Например, в предложениях с глаголами речи в аварском языке возможно наличие четырех компонентов. Один компонент называет действие речи (для этого служат предикаты – глаголы речи) и три компонента соответствуют трем участникам речевого акта: субъекту, адресату и объекту речи. В структуре предложения *КIудадаца лъималазе маргъаби рицана* «дедушка рассказал детям сказки» каждый компонент занимает определенные позиции относительно предиката. Исходную позицию здесь занимает субъект действия (*кIудадаца*). От него исходит действие, он является самым активным участником действия. Грамматически положение субъекта как исходного компонента проявляется в том, что он выражается в

предложении формой эргативного падежа и глагол-сказуемое (*рицана*) не координируется с ним ни в классе, ни в числе. Объект (*маргъаби*) выражается именем в номинативе и находит свое отражение в префиксальном классно-числовом показателе *р-* глагола-сказуемого (*рицана*). Адресат же (*лвималазе*) оформлен именем в дативе.

В аварском литературном языке представлены своеобразные синтаксические черты, отсутствующие в диалектах. Так, в диалектах отсутствуют назывные предложения, которые встречаются в литературном языке. Например: *Рокъи. ТалихI. Лъимер. ЦIва* (Гъ. ГъалбацIов) «Любовь. Счастье. Дитя. Звезда»; *Март. ГъутIби. Дурги дирги плац* (Гъ. ГъалбацIов) «Март. Деревья. Твой и мой плащ» и др. Односоставные предложения как особый семантико-структурный тип простого предложения с одним главным членом в качестве организующего центра высказывания, таким образом, являются новым явлением в синтаксисе аварского языка. Вероятно, этот тип предложений аварский язык заимствовал из русского языка.

Возможны ли предложения, в которых вовсе нет предикативности? Разумеется, да. Если в предложении нет сказуемого или другого аналогичного ему члена, то конечно, в нем нет и предикативности. Так, например, нет предикативности в назывных предложениях типа: *Их. ТIугъдул. Хинал къоял.* – «Весна. Цветы. Теплые дни».

Определенные различительные явления наблюдаются в структуре послеложных и беспослеложных конструкций. Например, послеложные конструкции карахского диалекта соотносительны с формой имени в локативе V серии литературного языка: *гъутIода ахакъ* (карах. диал.) – *гъотIокъ* (лит. яз.) «под деревом»; *чода гад* (карах. диал.) – *чотIа* (лит. яз.) «на коне», *вегъзилъ циве* (карах. диал.) – *вачIиналде* (лит. яз.) «прежде чем пришел» и т.д. Необходимо отметить, что

в аварском литературном языке в равной степени употребительны как послеложные, так и беспослеложные конструкции указанных типов: *гъотIокъ – гъотIода гъоркъ* «под деревом» [4, с. 195].

К различительным явлениям, связанным со структурой предложения, относится также различие в оформлении вопросительных предложений. Характерным для карахского диалекта вопросительным предложениям типа *Дулъ гъэх цIалури?* – «Ты книгу прочитал?» в литературном соответствуют предложения типа *Дуца тIехъ цIаланищ?* с тем же значением. Особенность структуры вопросительного предложения в карахском диалекте заключается в том, что при оформлении вопросительного предложения выпадает элемент частицы *-щ*, обязательно присутствующий в литературном языке.

Характерным признаком вопросительных предложений является специальная вопросительная интонация. Посредством значительного повышения тона в вопросительном предложении обычно выделяется то слово, которое содержит вопросительную частицу, например: *Рукъищ дуца босараб?* «Дом ли ты построил?»

Иногда в начале предложений, которые произносятся с вопросительной интонацией, употребляются вопросительные слова (местоимения) *щиб?* (*-в, -й, -л*), *кинаб?* (*-в, -й, -л*) и др., например: *Щал жакъа дарсиде кватIарал?* – «Кто сегодня опоздал на урок?».

Когда необходимо особо выделить какое-нибудь слово в вопросительном предложении, то к этому слову добавляется частица *-ха*: *Мун шагъаралдейищха цварав?* «Ты в городе побывал?».

Известно, что диалекты и говоры, находящиеся в иноязычном окружении, сохраняют в большей степени архаические языковые черты. В этом отношении большой инте-

рес представляет закатальский диалект, где категория лица находит своеобразное отражение в глаголе-сказуемом. Глагол закатальского диалекта в так называемом прошедшем достоверном времени выражает не только категорию числа и класса, но и лица. Например: *дун веров* «я пришел», *дуй вортолов* «я упал» (1 лицо); *мун* или *дав вери* «ты (он) пришел», *мун* или *дав ворта* «ты (он) упал» и т.д. [1, с. 18].

Как отмечает П.А. Саидова, посвятившая этому явлению специальную статью, «если в аварском языке глагол согласуется с именем существительным в классе и числе, то в закатальском, единственном из аварских диалектов, представлено четко выраженное согласование сказуемого с лицом имени. Здесь одновременно представлено два типа спряжения – классное и классно-личное. Классно-личное спряжение наблюдается в трех говорах закатальского диалекта – чарском, чардахларском и тальском. Для белоканского говора характерно классное спряжение» [8, с. 4].

Для аварского литературного языка характерно очень широкое употребление союза *ва* «и», выполняющего соединительную функцию, и частицы *-ги* с теми же функциями, в то время как в карахском диалекте в соответствующих случаях употребляется только частица *-ги*. Союз же *ва* «и» в карахском диалекте практически не встречается. Например: *ѓмен ва ѓбел* // *ѓменги ѓбелги* «отец и мать» (лит. яз.) ~ *ѓминги ѓбелги* (карах. диал.). Употребление союзов, частиц, послелогов в словосочетаниях и предложениях представляет собой факт синтаксический, поскольку они являются элементами определенных синтаксических конструкций.

В карахском диалекте не употребляется транслатив, который встречается в литературном языке. Аналогичные случаи в карахском передаются описательно, либо послеложными конструкциями: *Дав вегьур роснаса тиру* «он при-

шел через селение» ~ ср. в лит. яз.: *Дов вачІана росулѓан*; *къода асса* «через мост» (карах. диал.) ~ *къодасан* (лит. яз.) и др.

В кегерском говоре андалальского диалекта личное местоимение 1-го и 2-го лица именительного падежа множественного числа употребляется в качестве подлежащего при переходном глаголе: *ниж чед квана* «мы съели хлеб», *нуж чед квана* «вы съели хлеб» [9, с. 14]. Подобное же явление зафиксировано в гидском диалекте, а также в келебском говоре (в последнем – в речи женщин) южного наречия. В аварском литературном языке здесь употребляется эргативный падеж: *нижеца чед кванана* и *нужеца чед кванана*.

В гидском диалекте Ш.И. Микаилов отмечает следующую синтаксическую особенность: в качестве дополнения здесь употребляется форма направительного падежа 1-ой серии вместо местного падежа 1-ой и 2-ой серий, существующих для этого в литературном языке. Например: *Балая ханассул васассэ* (направительный падеж 1-ой серии) «посмотри-ка на ханского сына» вместо *балагьея ханассул васассухъ* (местный падеж 2-ой серии) [7, с. 371]. Такое же смещение падежных функций мы наблюдаем в карахском диалекте, где иногда вместо местоимения 1 лица ед. числа употребляется местоимение 2 лица мн. ч. К таким приемам прибегают с целью унижения собеседника, передачи возмущения, несогласия.

Необходимо отметить, что та или иная особенность, утраченная большинством диалектов на относительно поздних этапах их развития, по какой-либо причине сохраняется в немногих или даже в одном диалекте. Так, например, как отмечает Ш.И. Микаилов, в келебском говоре при переходном глаголе употребляется местоимение 2-го лица ед.ч. в именительном падеже вместо эргативного падежа в литературном языке: *мун хІур бекъубиш?* «ты вспахал поле?» вместо *дуцца хур бекъаниш?* [7, с. 427]. Та-

кие конструкции отличаются по структуре, но совпадают по значению и употреблению.

В фольклорных текстах могут сохраняться более архаичные варианты грамматических форм слов и конструкций, уже утраченные в литературном языке. Так, инфинитные формы глагола в предложении функционируют, как правило, при наличии финитной формы: они выражают такое действие, которое зависит от действия, передаваемого финитной формой. Однако в произведениях устного народного творчества встречаются случаи, когда инфинитные формы, в частности, причастия употребляются в предложениях самостоятельно. В таких предложениях полностью отпадает необходимость употребления финитных форм, например: *Борхатаб магIарда гIугин вукIадго тIогъараб магIарде вахун вукIарав* – «Находясь с отарой высоко в горах, взобрался на цветущую гору» (фольклор). Здесь вместо финитного глагола *вукIана* «был, находился» выступает инфинитная форма данного глагола – причастие *вукIарав* «бывший, находящийся». Сила предикативности данной причастной формы настолько интенсивна, что она замещает финитную форму и превращает словосочетание в предложение. Подобные факты, на наш взгляд, уже сами по себе могут служить убедительным аргументом того, что в старом аварском языке причастные формы имели статус предикативности, постепенно утраченный в ходе развития языка. В настоящее время в случаях (весьма, впрочем, редких) причастие может употребляться вместо глагола.

Аналогичное явление наблюдается также и в аварских народных пословицах и поговорках: *Кету рихаразда гIункIаиз къвал балеб* (фольклор) «Мыши обнимают тех, кому ненавистен кот»; *Къуваталдаса гIакълу бергъунеб* (фольклор) «Ум побеждает силу»; *КIкIуй гъечIеб*

цIа букIунареб (фольклор) «Нет дыма без огня»; *ЛъикIлъи хIехъоларес квеилъи хIехъолеб* (фольклор) «Кто не терпит хорошее, тот терпит плохое» и т.д. Здесь вместо финитных форм употреблены инфинитные формы: *балеб* – *бала* (лит. яз.); *бергъунеб* – *бергъуна* (лит. яз.); *букIунареб* – *букIунаро* (лит. яз.); *хIехъолеб* – *хIехъола* (лит. яз.). Как видим из примеров, причастия-предикаты в аварских пословицах и поговорках соотносительны с финитными формами современного литературного языка [6, с. 153].

Однако для аварского языка в целом, по-видимому, преждевременно было бы считать этот процесс (предикативность причастий) завершенным: до сих пор иногда встречаются конструкции с причастиями в функции предиката. Предикативное употребление причастных форм – если не говорить о единичных случаях, возникающих в разговорно-просторечном стиле, – для нашего времени можно квалифицировать как явление, свойственное как аварскому литературному языку, так и его диалектам. Что же касается предложений с предикативными причастиями, то они раньше характеризовались, видимо, большей, чем сейчас, употребительностью, о чем свидетельствуют фольклорные тексты.

В материалах устного народного творчества аварцев просматриваются особенности того или иного диалекта. Однако в силу большой распространенности и подвижности фольклорных сюжетов и текстов последние могут совмещать в себе весьма разнохарактерные лексические и синтаксические особенности многих диалектов, а не только лишь одного диалекта, где первоначально возникли эти произведения. Следовательно, любой фольклорный текст не является образцом какого-либо конкретного диалекта.

Так, в сказании «Гъудул цIоралде индал», написанном, несомненно, на андалальском диалекте, параллельно упо-

требляются формы как андалальского диалекта, так и литературного языка. Например: *Их бачIараб, эбел, лъид би-цун лъалеб?* (фольклор) – «То, что весна наступила, от кого, мама, узнаем?», где *лъид* – форма эргатива андалальского диалекта, ср. в лит. яз.: *лвица*. *Берзуд ишан гъабун гъесда бичIичIо, / Кверзуд ишан гъабун гордив вачIана* (фольклор) – «Глазами знак сделав, он не понял, / Руками знак сделав, он к окну подошел».

Здесь формы слов *берзуд* и *кверзуд* оформлены эргативным падежом множественного числа андалальского диалекта (ср. в лит. яз.: *бераз, квераз*), хотя все остальные слова в этих строках соответствуют нормам литературного языка. Рассмотрим еще один пример: *Ки-кииял рекъомо цурицури буго, / Шу-щуйал рекъомо гаргари буго* (фольклор) – «По двое собравшись, шепчутся, / По пять собравшись, разговаривают».

Здесь встречаются два раза деепричастная форма андалальского диалекта *рекъомо* (~ лит. *рекъон*) и масдарные формы *цурицури* и *гаргари* (~ лит. *цурицуди, гаргади*).

В келебском говоре в речи мужчин при непереходном глаголе, так же, как при переходном, личное местоимение 1-го лица единственного числа в качестве подлежащего выступает в эргативном падеже вместо именительного падежа в литературном языке: *дилълба векерина вана* «я бегу»; ср. в литературном языке: *дун векерулев вуго*. В речи же женщин в келебском говоре при переходном глаголе, так же как при непереходном, личное местоимение 1-го лица единственного числа в качестве подлежащего выступает в именительном падеже, тогда как в литературном языке здесь выступает эргативный падеж: *дун хIалтIи гъабу бана* «я выполняю работу» вместо литературного *дицца хIалтIи гъабулеб буго* [7, с. 427].

Противопоставленные синтаксические различия имеют место также при выражении субъектно-объектных отношений. Например, в предложении *Гъасда ракI гурхIула дир* (лит. яз.) «я его жалею» представлены субъект *дир* в форме генитива и объект *гъасда* в форме локатива I серии. В соотносительном предложении в карахском диалекте *Дида гурхIан гъав* субъект *дида* выражен местоимением в форме локатива I серии, а объект *гъав* – местоимением в форме номинатива. Подобное противопоставление в формах выражения субъектно-объектных отношений объясняется, вероятно, специфическими особенностями синтаксической структуры карахского диалекта [5, с. 74].

Координация компонентов в составе предложения в карахском диалекте также имеет свои особенности. Здесь не представлены суффиксальные классно-числовые показатели, играющие важную роль в координации между членами предложения в литературном языке. Например: *Васас гехъ цIалун бу* (карах. диал.) ср. в лит. ав. яз.: *Васас тIехъ цIалулеб буго* – «Мальчик читает книгу». В карахском предложении составное сказуемое состоит из причастной формы *цIалун* и вспомогательного глагола *бу*. Аналогичное составное сказуемое аварского литературного языка состоит из причастной формы *шIалулеб* и вспомогательного глагола *буго*. Примеры:

карах. диал.	лит. яз.
<i>Чу бикерун бу</i> «Лошадь бежит»	<i>Чу бекерулеб буго</i>
<i>Вас векерун ву</i> «Мальчик бежит»	<i>Вас векерулев вуго</i>
<i>Яс йикерун йу</i> «Девочка бежит»	<i>Яс йекерулей йуго</i>
<i>Лъимал рикерун ру</i> «Дети бегают»	<i>Лъимал рекерулел руго</i>

Как видим из примеров, в карахском диалекте наблюдается только префиксальная классно-числовая координация глагола-сказуемого с именем в номинативе. В литературном же языке представлена как префиксальная, так и суффиксальная классно-числовая координация. Благодаря наличию префиксальной классно-числовой координации в карахском диалекте в достаточной мере сохраняется синтаксическая выразительность имени и в том случае, когда утрачивается суффиксальная координация причастия с именем. Кроме того, в отличие от литературного языка в карахском диалекте вспомогательный глагол является односложным, с усеченным вторым слогом: *ву* (I кл.), *йу* (II кл.), *бу* (III кл.), *ру* (мн.ч.), ср. в лит. яз.: *вуго*, *йуго*, *буго*, *руго*.

Важнейшими синтаксическими особенностями диалектов являются также эллиптические предложения, слабая оформленность служебными словами связей между компонентами предложения, употребление слов, не являющихся членами предложения (частиц, послелогов, междометий) и др.

Безусловно, аварские диалекты характеризуются значительно большим количеством синтаксических различий, чем здесь названо, однако этот круг явлений на диалектном материале до сих пор почти совершенно не изучен. Задача выявления общих и частных синтаксических закономерностей представляет собой необходимый этап в изучении аварских диалектов.

При этом представляется существенным не только проводить описание по контрастивному принципу, выявляющему частные отличия того или иного диалекта в сопоставлении с литературным языком, но и создавать целостные описания синтаксиса отдельных диалектов.

Литература

1. *Бокарев А.А.* Синтаксис аварского языка. – М.-Л., 1949. – 277 с.
2. *Ломтев Т.П.* Принципы построения формулы предложения // НДВШ. Филологические науки. – 1969. – №5. – С. 56–68.
3. *Магомедов Д.М.* О предикативных функциях инфинитных форм глагола в аварском языке // V Международный симпозиум лингвистов-кавказоведов «Проблема частей речи в иберийско-кавказских языках». – Тбилиси, 2018. – С. 155–157.
4. *Магомедов Д.М.* Особенности структуры предложений в диалектах аварского языка // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Материалы VI Международной научной конференции (28–29 июня 2018 г.). – Махачкала, 2018. – С. 190–197.
5. *Магомедов Д.М.* Семантическая и грамматическая структура простого предложения в аварском языке // Вестник Дагестанского научного центра. – № 68. – 2018. – С. 71–76.
6. *Магомедов М.И.* Синтаксическая сущность главных членов предложения в аварском языке // Тезисы докладов региональной научной конференции молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям. – Махачкала, 1995. – С. 152–154.
7. *Микаилов Ш.И.* Очерки аварской диалектологии. – М.-Л., 1959. – 511 с.
8. *Саидова П.А.* К спряжению глагола в закатальском диалекте аварского языка // Глагол в языках Дагестана. – Махачкала, 1980. – С. 4–11.
9. *Чикобава А.С.* Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. – Вып. I. – Махачкала, 1948. – С. 5–18.

Дибиров Ибрагим Аиранудинович

доктор филологических наук, профессор
кафедры общего языкознания Дагестанского
государственного педагогического университета.
г. Махачкала, Республика Дагестан

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Предложение – основная синтаксическая единица, содержащая сообщение, вопрос или побуждение. Главный структурный признак предложения – наличие грамматической основы. Грамматическая основа состоит из главных членов предложения.

Ключевые слова: синтаксис, простое предложение, словосочетание, подлежащее, сказуемое, грамматика, семантика.

Annotation. A sentence is a basic syntactic unit containing a message, question or motivation. The main structural feature of a sentence is the presence of a grammatical basis. The grammatical basis consists of the main members of the sentence.

Key words: syntax, simple sentence, phrase, subject, predicate, grammar, semantics.

Структура предложения определяется, как правило, совокупностью отношений зависимости между его компонентами. Описание организации синтаксических структур и отношений в предложении дает наиболее полное пред-

ставление о синтаксисе языка. И.П. Распопов выступал против попыток разобренного рассмотрения семантической и грамматической структуры предложения: «Такой подход расходится с общепринятым пониманием грамматики и ее категорий, каждая из которых обладает, как известно, своей собственной семантикой» [6, с.95]. Следовательно, семантическая структура предложения представляет собой такую структуру, которая организуется в первую очередь грамматическими средствами. В речевой цепи предложения связаны между собой по смыслу. В структурном же отношении они остаются совершенно независимыми [4, с.37]. При этом необходимо отметить, что семантическая структура конкретного предложения как отдельного речевого произведения не исчерпывается совокупностью передаваемых им грамматических значений. Показательны в этом отношении предложения, одинаковые с точки зрения общего набора грамматических значений и даже одинаковые по лексическому составу, но отнюдь не одинаковые с точки зрения передаваемого ими коммуникативного содержания. Например: 1) *Эмен вихьулев вас вуго* – букв. «Отца видящий сын есть» и *Вас вихьулев эмен вуго* букв. «сына видящий отец есть»; 2) *Эбелалъ горде чурулеб буго* – «Мать стирает рубашку» (букв. «матерью рубашка стирается») и *Эбел горде чурулей йуго* – «Мать стирает рубашку» (букв. «Мать рубашку стирающая есть»). Содержательную сторону предложения можно рассматривать двояко: с точки зрения плана выражения (синтаксиса) и с точки зрения плана содержания (семантики). Из примеров явствует, что семантическая организация предложения предопределяет лексическое наименование компонентов передаваемой ситуации. Кроме того, предполагается грамматическое обозначение того «места», которое занимает каждый компонент в выражаемой схеме коммуникативных связей. Следует обра-

тить особое внимание на смысловую организацию разнооформленных предложений, общее содержание которых обращено к обозначению одной и той же реальной ситуации. Например: 1) *Рукъ чIобого буго* – «В доме пусто», *ЧIобогояб рукъ* – «Пустой дом»; 2) *Васас тIехъ цIалулеб буго* – «Мальчик книгу читает» (букв. «Мальчиком книга читаемая есть»), *Вас тIехъ цIалулев вуго* – «Мальчик книгу читает» (букв. «Мальчик книгу читающий есть»).

Очевидно, что семантическая структура таких предложений неодинакова, как неодинаковы их грамматическое оформление, синтаксические позиции, в которых употребляются отдельные слова. В ряде случаев при переводе с аварского языка на русский или наоборот приходится заменять одну структуру другой, поскольку проблема перевода заключается именно в том, чтобы передать содержание переводимого предложения посредством иной структуры. Важно подчеркнуть при этом, что причина возможности семантико-грамматических различий при реальном тождестве обозначаемых ситуаций зависит от характера взаимоотношений между предметами и явлениями объективного мира. Так, в первой паре приводимых выше примеров предмет, с которым связан ситуативный признак (*рукъ* «дом»), обозначается как место, где проявляется признак, то как непосредственный носитель этого признака. И для того и для другого осмысления связи между предметом и признаком, несомненно, есть реальные основания. Аналогично во второй группе примеров субъект действия оформлен то именем в эргативе (*васас*), то именем в номинативе (*вас*). Объект же, на который направлено действие, в обоих предложениях оформлен именем в номинативе (*тIехъ*). Грамматическая семантика каждого из приведенных предложений вполне созвучна характеру ситуации и адекватно передает ее в соответствующем контексте. Возможность

образования таких конструкций свидетельствует о достаточно высоком уровне развития самой языковой системы, позволяющей в различных моделях выражать тождественные ситуации. А.С. Чикобава отмечал, что «в эргативной конструкции в один узел сплетаются особенности склонения имен и спряжения глагола. Эргативная конструкция во многом определяет грамматическую структуру соответствующего языка» [9, с.130].

Для дифференциации грамматических и семантических категорий важнейшее значение имеет характер координации глагола с субъектно-объектными актантами. Так, в аваро-андо-цезских языках глагол спрягается лишь по категории грамматического класса, в даргинском, лакском и табасаранском – как по классу, так и по лицу, а в лезгинском и агульском языках глагол не спрягается ни по классу, ни по лицу. Следовательно, валентные свойства глагола в дагестанских языках неоднородны [5, с.144]. В аварском языке, как и в других языках, минимальной и главной единицей общения является предложение с его двумя планами – планом содержания и планом выражения, представляющими, по существу, форму и содержание как категории диалектики. В дагестанских языках синтаксические структуры предложений различны, ибо в них заложены основания их национальной специфики.

Известно, что в аварском языке подлежащее и сказуемое составляют предикативное ядро, фундамент предложения. В структурном плане любое предложение состоит из главных (чаще из двух и реже из одного) членов – подлежащего и сказуемого, и второстепенных, которые детерминируют либо подлежащее и вместе с ним образуют состав подлежащего, либо сказуемое, образуя с ним состав сказуемого. В зависимости от количества грамматических составов в структуре предложения оно может быть двусоставным,

имеющим два организующих центра, или односоставным, имеющим один организующий центр, например: *Вас вачIана* – «Мальчик пришел» (двусоставное предложение) и *Рии. Ралъад* – «Лето. Море» (односоставные предложения).

Двусоставное предложение имеет два грамматических организующих состава – состав подлежащего и состав сказуемого. Односоставное предложение имеет один грамматический состав, один организующий центр, т.е. один главный член с пояснительными словами или без них. Отсутствие второго главного члена отнюдь не свидетельствует о неполноте высказывания, ибо это структурная специфика данного типа предложений.

Односоставные предложения как особый семантико-структурный тип простого предложения различаются как по своей структурной вариативности, так и по коммуникативной нагрузке. Односоставные предложения часто встречаются в аварских пословицах и поговорках, например: *Бикъила – вакъила, вагъила – къела* (пословица) – «Украдешь – проголодаешься, подерешься – проиграешь». Это бесподлежащее предложение, где действие может быть отнесено к любому лицу, однако невозможно изменить число и грамматический класс. Интересно отметить, что почти все аварские поговорки и пословицы оформлены в классе мужчин, хотя их содержание относится и к классу женщин. Полное значение односоставных предложений определяется, как правило, на основании контекста.

В аварском языке классный глагол относится в структуре предложения к имени в номинативе. Имя в эргативе не отражает в глаголе-сказуемом своей категориальной субстанции. Поэтому он может быть квалифицирован только как второстепенный член предложения. Подлежащим в аварском языке может быть лишь имя в номинативе, которое имеет свое отражение в классном глаголе-сказуемом.

Приходится все время разграничивать понятия «подлежащее» и «субъект». К единицам семантики относятся субъект, объект, адресат и т.д., к единицам синтаксиса – подлежащее и дополнения. В семантике самым главным обычно считается субъект (агенс), далее менее весомым является объект, еще менее весомым – второй объект (адресат или иная единица).

В синтаксисе самое главное в окружении глагола – подлежащее, за ним идет прямое дополнение, далее – косвенное дополнение. Соотношение между семантическими категориями субъекта и объекта действия, с одной стороны, и категориями членов предложения (подлежащим и дополнением) – с другой, характеризуется тем, что в одном случае имеет место соответствие между именем субъекта и подлежащим, именем объекта и дополнением, в другом случае это соответствие нарушается.

Мы отметили, что подлежащим в аварском языке может выступать только имя в номинативе. Субъектом же могут выступать имена в номинативе, дативе, эргативе, посессиве и локативе. Классная форма глагола не зависит от падежной формы имени в эргативе, т.е. классные показатели глагола и падежные формы субъектных актантов не координируются друг с другом. Конечно, в определенных случаях существует тождество семантических и синтаксических категорий. Например, в аварском языке субъект и подлежащее могут совпадать в номинативе: *Вас в-ачIана* – «Мальчик пришел»; *Яс й-охана* – «Девочка обрадовалась» и т.д. В целом же такого параллелизма не наблюдается: субъект и подлежащее представляют разные уровни предложения [2, с.105].

Важное значение для определения грамматической и семантической структуры предложения имеет характер словосочетания, входящего в состав предложения. Формирование конкретных словосочетаний осуществляется в за-

висимости от коммуникативных задач и структуры предложения. Любое свободное словосочетание формируется как структурное звено предложения, в котором частично (а иногда и полностью) реализуется одна из коммуникативно-грамматических функций предложения, призванного выражать, в числе других аспектов грамматической семантики, общую схему отношений между компонентами передаваемой ситуации. В словосочетании передаются различные отношения между двумя и более компонентами, например: между двумя предметами (*вехъасул рукъ* «дом чабана», *вехъасул рукъалъе* «дому чабана», *вехъасул рукъалда аскЮб* «около дома чабана» и т.д.); между предметом и действием (*кагъат хъвазе* «написать письмо», *кагъат цвезе* «получить письмо», *кагъат батизе* «найти письмо» и т.д.); между предметом и качественным признаком (*й-окуле-й эбел* «любимая мать», *эбелалъе й-окуле-й* «любимая матерью»; *инсуда в-ихъара-в* «отцом увиденный», *эмен в-ихъара-в* «отца увидевший» и т.д.) [1, с.75]. В соответствии с этой функцией свободных словосочетаний валентность отдельного слова в первую очередь определяется тем, каков диапазон тех смысловых отношений, которые данное слово может передавать в сочетании с другими словами по характеру своей лексической и грамматической семантики.

Необходимо отметить, что иногда между лексической и грамматической семантикой принципиальных различий не наблюдается. Например, грамматическое значение предметности у существительных предопределяет широкую возможность распространения их зависимыми компонентами, имеющими признаковую семантику. Отсюда – свободная сочетаемость существительных с зависимыми прилагательными и другими словами и формами слов, которые обозначают признак предмета. Если же речь идет о сочетаемости с определением – прилагательным, то дей-

ствие семантического фактора проявляется в ограничениях лексической сочетаемости. Например, существительное *рукъ* «дом» способно сочетаться с прилагательными *ганчЮл* «каменный», *маххул* «железный», *цЮлал* «деревянный» и т.д. и не может определяться словами типа *гъанал* «мясной», *квасул* «шерстяной» и т.д.

Известный французский синтаксист Л. Теньер отмечал, что «каждое слово, входящее в состав предложения, утрачивает свою изолированность, всегда присущую ему в словаре. Можно заметить, что каждое слово предложения вступает с соседними словами в определенные связи, совокупность которых составляет костяк, или структуру предложения» [7, с.22]. Однако Л. Теньер подчеркивал, что «синтаксические связи без связи семантической не существуют» [7, с.56], хотя теоретически можно построить одновременно синтаксически корректное и при этом семантически абсурдное предложение, как это сделал выдающийся русский лингвист Л.В. Щерба: «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка» [8, с. 324–329].

Формирование подчинительного словосочетания как синтаксической единицы находится в границах валентных возможностей слова. Любое словосочетание формируется в порядке реализации одной из возможных валентных связей слова. Грамматическое выражение этих связей осуществляется по-разному, но всегда в той или иной степени зависит от характера господствующего слова. Лексико-грамматические свойства слова могут влиять на его синтаксическую сочетаемость и на характер его связей с другими словами. Валентные свойства слов не обеспечивают использования непредикативных подчинительных словосочетаний в качестве самостоятельных «номинативных» единиц, существующих до предложения и входящих в предложение в готовом виде. На валентностные свойства

слова влияют также фразеологические единицы с закрепившимися сочетательными связями, не свойственными свободным словосочетаниям, например: *ракI бакъвазе* «печалиться», *цIар тIамизе* «разводиться», *цIцIани магIарде рахине* «быть пьяным» и т.д. Валентность – постоянный признак фразеологических единиц – связана с выявлением конкретных слов, групп и разрядов слов, с которыми она сочетается по законам лексической и грамматической сочетаемости. Определение валентности непосредственно связано с лексико-грамматической характеристикой фразеологических единиц, ее отнесенностью к тому или иному лексико-грамматическому разряду единиц языка. Последняя, в свою очередь, влияет на границы сочетаемости, на тип фразеологического сочетания, на синтаксическую функцию фразеологизма.

При решении проблемы лексико-грамматической сочетаемости фразеологических единиц необходимо учитывать, с одной стороны, близость некоторых признаков фразеологизма и слова, возможность их связи в структуре предложения в составе фразеологического сочетания. С другой стороны, надо исходить из определенного понимания фразеологической единицы как особой единицы языка, имеющей сложную природу лексического значения, иную, чем лексическая, природу слова, из своеобразия номинации, и, соответственно, из определенного состава фразеологии языка. В аварском языке при непереходной конструкции предложения сказуемое выражено непереходным глаголом, а подлежащее – именем в номинативе. Непереходная конструкция по своей природе является безобъектной, так как непереходный глагол выражает только состояние или действие, которые не переходят на другой предмет. Например: *бакъ баккана* «солнце взошло», *вас вачIана* «мальчик пришел», *эбел йачIана* «мама пришла» [3, с. 125].

Синтаксическая связь между подлежащим и сказуемым в непереходном аварском предложении обоюдная: непереходное сказуемое требует оформления подлежащего номинативом, а подлежащее, оформленное номинативом, может находиться только при сказуемом непереходного значения, требуя от него координации в классе и числе. Необходимо отметить, что в классе координируются только те сказуемые, которые выражены глаголами, имеющими в своем составе классные показатели. В тех же случаях, когда в качестве сказуемых употреблены глаголы без классных показателей, синтаксическая связь подлежащего и сказуемого наглядно не проявляется.

Литература

1. Магомедов Д.М. Критерии дифференциации сложных слов, словосочетаний и фразеологических единиц в аварском языке // Вестн. Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2015. – № 8. – С. 73–79.
2. Магомедов Д.М., Магомедтагирова И.Г. Синтаксические функции локатива III серии в аварском языке // Вестн. Даг. науч. центра. – 2015. – № 56. – С. 102–106.
3. Магомедов М.И. Подлежащее и дополнение в аварском языке // Кавказский вестник. – 2000. – № 2. – С. 124–127.
4. Магомедов М.И. Структура простого предложения в аварском литературном языке и в его диалектах // Дагестанский лингвистический сборник. – Вып. 3. – М., 1996. – С. 35–40.
5. Магомедов М.И. Субъектно-объектные отношения и категория залога в аварском языке. – М., 2003. – 234 с.
6. Расповов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. – Ростов н/Д, 1981. – 126 с.
7. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988. – 656 с.
8. Успенский Л. Слово о словах. Ты и твоё имя. – Л., 1962. – 598 с.
9. Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, II. Теории сущности эргативной конструкции. – Тбилиси, 1961. – 163с.

Тугуз Гошсим Туркубиевна

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела языка
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.
г. Майкоп, Республика Адыгея

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОСТРОЕНИЕ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ (Подход У.С. Зекоха)

Аннотация. В статье рассматривается подход У.С. Зекоха к осложненным предложениям в адыгейском языке, взгляд специалистов по многим вопросам предложений с обособленными членами, однородными членами, вводными конструкциями, а также обращениями. Делается вывод, что У.С. Зекох впервые ввел понятие «полупорепредикативное» в адыгейское языкознание.

Ключевые слова: У.С. Зекох, осложненные предложения, язык, обособленные члены, обращение, вводные конструкции, однородные члены.

Annotation. The article considers the approach of U.S. Zekokh to complicated sentences in the Adyghe language, the opinion of experts on many issues of sentences with separate members, homogeneous members, introductory constructions, as well as references. It is concluded that the U.S. Zekokh first introduced the concept of “one and a half predicative” in Adyghe linguistics.

Keywords: U.S. Zekokh, complicated sentences, language, isolated members, reference, introductory constructions, homogeneous members.

В области изучения проблемы осложненного предложения проделана определенная работа. Однако мнения специалистов по этой проблеме расходятся.

В литературе отмечено, что от термина «осложненное предложение» современная лингвистика практически отказалась, однако сам феномен продолжает оставаться в поле зрения исследователей.

В лингвистической литературе осложненные предложения рассматриваются по-разному: 1) как простые, 2) как сложные, 3) как особая категория (осложненное предложение), 4) как переходное явление от простого к сложному.

В грамматике сложилась традиция выделять осложненные предложения как особый класс простых предложений (Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. и др.).

Зекох У.С. рассматривал осложненное предложение как самостоятельное, имеющее ряд оригинальных характеристик. Адыговед отмечал, что «осложненное предложение изучалось не как самостоятельная синтаксическая структура, а как разновидность простого предложения. Только теперь стало возможным выделение осложненных предложений в особую синтаксическую структуру, определение их в качестве самостоятельного синтаксического построения, содержащего такие относительно автономные конструкции, как обособленные члены предложения, однородные члены предложения, вводные и вставные компоненты, а также обращения» [1, с. 274].

Хутежев З.Г. вслед за Зекохом У.С. выделяет разновидности осложненных предложений: предложение, осложненное различного рода обособлениями, однородными членами,

вводными конструкциями, обращением. «Осложненные предложения по своей структуре и семантике занимают промежуточное положение между простыми и сложными предложениями» [2].

По мнению некоторых исследователей, вводные конструкции не включаются в категорию осложнения на том основании, что они не являются членами предложения [3, с.36]. Другие же придерживаются иной точки зрения [4].

Магомедов М.Ю. отмечает, что «в традиционную классификацию вошли не все осложняющие элементы (например, конструкции с повтором)». К осложняющим элементам необходимо отнести и различные конструкции, базирующиеся на повторах (уточнения, однородные члены с повторами, повторы с лексическим распространением, повторы, основанные на сочинительной связи и т. д.), периоды, составляющие простые предложения [5, с.7].

Впервые взялись за разработку проблемы известные ученые Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф, но разработали они не всю проблему, а часть ее, т.е. вопрос о предложениях с однородными членами, которые адыговеды именуют «слитными предложениями» [6, с.102-105]. Яковлев Н.Ф. и Ашхамаф Д.А. устанавливают три грамматических способа выражения отношений между однородными членами: 1) оформление однородных дополнительных членов союзным аффиксом *-рэ* в значении «и»; 2) снабжение однородных дополнительных членов союзным аффиксом *-и* в значении «и»; 3) выражение связи однородных членов посредством союза *ык1и* в значении «и».

Исследователи указывают на «излишнее употребление союза «*ык1и*» для связи однородных – дополнительных слов», начинающее проникать в адыгейский литературный язык «в подражание русскому языку»: *Комбайнеркхэмрэ ык1и комбайнеркхэмрэ ясовещание* «Совещание комбай-

неров и комбайнеров». В этой конструкции, как считает У. Зекох, действительно излишнее применение союза «*ык1и*», т.к. в ней однородные дополнительные члены оформлены союзным аффиксом *-рэ*.

Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф отмечают, что когда в предложении «стоит несколько однородных членов сказуемых», то союз «*ык1и*» ставится перед последним из функционально одинаковых словоформ: *Комбайным а зы лъэхъаным коцыр еупк1э, еугъоижьы ык1и е1ожьы* «Комбайн одновременно хлеб косит, собирает и молотит» [6, с.104].

У.С. Зекох пишет, что «для адыгейского произношения специфично соединение всех однородных членов приведенного типа предложений интонацией перечисления: *Комбайным а зы лъэхъаным коцыр еупк1э, еугъоижьы, е1ожьы* «Комбайн одновременно хлеб косит, собирает, молотит». Далее отмечается, что «допускается и повторение союза при каждом из однородных членов: *Комбайным а зы лъэхъаным коцыр еупк1э ык1и, еугъоижьы ык1и, е1ожьы ык1и* «Комбайн одновременно хлеб и косит, и собирает, и молотит» [1, с.274].

Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф отмечают, что «однородные члены предложения могут не соединяться союзами и союзными аффиксами, когда в предложении есть обобщающее слово, и однородные члены представляют собой простое перечисление: *Сэры, оры, мыры – а1оу районым тык1оцтых* «Я, ты, он – вместе в район поедем» [6, с.104].

В адыгейском языке связь между однородными предложениями выражается посредством интонации, сочинительных союзов и аффиксов. Из всех средств выражения связи однородных членов предложения наиболее значительным по своей роли У. Зекох отмечает, что «следует считать союзы и союзные аффиксы, подразделяя сочинительные союзы и аффиксы на следующие группы: 1) соединительные: а) союз *ык1и* «и» и б) союзные аффиксы – двойной *-рэ – -рэ*

«и» и повторяющийся *-и* – *-и* «и – и»; 2) противительные: а) собственно противительные: *ау «но», ары шъхъаем «но», нахъ «но»*; б) противительно-уступительные: *шъхам «хотя», нахъ мыш1эмми «хотя»*; 3) разделительные: *е «или», хъауми/хъауми «или», зэ – зэ «то – то»*; 4) сопоставительные (градационные): *имызакъоу – -и «не только – но и», хэгъэк1и – -и «не то что – но и»*; 5) присоединительные: *ет1ани «и притом»*.

З.И. Керашева рассматривает вопрос об однородных членах предложения, устанавливает смысловые отношения между ними. Из наличных смысловых отношений исследователь рассматривает соединительные, противительные и разделительные [7]. Однородные члены предложения изучены М.Л. Абитовым (1957). Их рассматривают в своих работах Ю.А. Тхаркахо (1976), М.Б. Карданов (1957).

В трудах З.И. Керашевой рассматривается осложненное предложение. Осложняющие предложение конструкции характеризуются адыговедом как элементы, синтаксически не связанные с основной частью предложения и потому не являющиеся его членами [7]. Из осложненных конструкций З.И. Керашевой описаны обращение, вводные слова и вводные словосочетания. Обращение квалифицируется в плане синтаксической оформленности как осложняющий предложение элемент, выделяющийся «особой звательной интонацией, которая может приобретать разнообразные оттенки». Отмечены особенности именных форм, выступающих в функции обращения [7]. В синтаксических работах и других ученых как М.Л. Абитов (1957), Ю.А. Тхаркахо (1976), К.Х. Меретуков (1973) описано обращение.

Очевидно, что адыговедами обсуждались вопросы предложений с обособленными членами, однородными членами, вводными конструкциями, а также обращениями (исключение – позднее выявленные вставные конструкции), было высказано много ценных мыслей, но более полно У.С.

Зекох рассмотрел эту сторону с учетом достижения современной лингвистики по этому вопросу.

В настоящее время все больше признание получает тенденция выделения предикативных сочетаний словоформ, содержащих и полупредикативные элементы, в особую синтаксическую структуру – осложненное предложение.

По У.С. Зекоху, в организации осложненных предложений участвуют элементы, однотипные не во всех отношениях. Для индивидуальности осложненных предложений более характерны обособленные члены, и менее характерны остальные. Осложняющие компоненты приносят в семантику основного высказывания полупредикативное содержание, которое у них проявляется в разной степени.

Как отмечает адыговед У.С. Зекох, общим у осложненных предложений признаком является то, что, благодаря осложняющим их компонентам, они имеют возможность выразить больший по объему смысл и создавать более сложную организацию, чем неосложненные иными компонентами синтаксические построения. В состав смысловых компонентов осложненных предложений входят обычно предикат и полупредикат, которым в семантической организации простого предложения соответствует предикат, а в смысловой организации полипредикативных синтаксических структур – два (и более) предиката. Таким образом, осложненное предложение – структура «полупредикативная», тогда как простое предложение – структура монопредикативная, а сложное предложение и сочетание предложений – структуры полипредикативные [1, с.277].

Обращение, вводные слова и другие элементы включаются У.С. Зекохом в состав предложения. Иначе, как он считал, они могли бы с другими словоформами составить предложение, хотя и не связываются с другими его членами посредством синтаксического согласования, управления и

т.д. У обращений и вводных элементов имеются специфические связи с остальной частью предложения, выражающиеся самим фактом их включения в состав предложения, специальными интонационными средствами и соседством с определяемым членом. Применяется и своеобразный способ осуществления связей – соотношение. Исходя из этого, исследователь пишет, что «вводные и вставные конструкции, если исходить из их смысловых функций и формальных характеристик, правомерно рассматривать как единицы, находящиеся на самой низкой ступени синтаксической иерархии членов предложения» [1, с.293].

Зекох У.С. солидарен с Рудневым А.Г., который характеризует обращение как член предложения особого ранга, называющий адресата речи и связанный с другими членами предложения синтаксической связью соотношения, выражаемой фактом включения определенной словоформы в состав предложения, соседством с определяемым членом и специфической звательной интонацией [8, с.184].

Наиболее широкое применение обращение находит в диалогической речи. Часто употребляется в языке художественной литературы, особенно при передаче диалога.

Обращение выполняет разные смысловые функции, из которых основной является привлечение внимания непосредственного адресата речи к делаемому сообщению. Этим обуславливается частое выступление фамилии, имени, отчества собеседника в роли обращения: *Адэ, Хьакъаркъор, о зи къап1орэпи? – къеупч1ыгъ Алавердэ лыжьыр* (Кэстэнэ Д. Шэуджэн Мос) – «– Ну, Хакарович, а ты почему молчишь? – спросил его старик Алавердов».

– *Зэхэоха, Пэзад? – еупч1ы Къамболэт* (Кэстэнэ Д. Псыгулан) – «– Слышишь, Пэзад? – спрашивает Камбулат».

– *Зэгу, Абрэджыр, умыгу1...* (Еутых А. Мыжьоф кухь) – «– Подожди, Абреч, не спеши...» [1, с.301-302] и т.д.

У.С. Зекох выделяет нераспространенные и распространенные обращения. Нераспространенные обращения – это обращения, выраженные одной словоформой: – *Ар уишгыпкъэу о1уа, Нафисэт?* – «– Ты серьезно говоришь это, Нафисет?». Распространенные обращения – это обращения с поясняющими словоформами: – *Сыд къеп1уал1эрэрац, тимэлэхъо лъэк1эпац?* – «– Что скажешь на это, наш кривоногий чабан?». Такие обращения имеют широкое распространение.

Адыгейская синтаксическая традиция возводит вводные и вставные конструкции к «вводным словам и предложениям», но исследования последних лет показали существование у них семантических и структурных различий.

У.С. Зекох приходит к следующему выводу, что осложненные предложения, как уже отмечалось, включают в себя такие осложняющие их конструкции, как обособленные члены, однородные члены, вводные и вставные компоненты, а также обращения. Эти конструкции легли в основу классификации анализируемых построений.

Осложненные предложения языковед подразделяет на а) предложения с обособленными членами; б) предложения с однородными членами; в) предложения с вводными и вставными конструкциями; г) предложения с обращениями.

У.С. Зекох охарактеризовал осложненное предложение как «полуторапредикативное синтаксическое построение, которое в своем элементарном виде состоит из монопредикативного предложения и осложняющей его полупредикативной конструкции (т.е. обособленного члена, ряда однородных членов, вводного элемента, обращения)» [1, с.278].

Из рассмотрения позиции У.С. Зекоха по вопросу так называемого осложненного предложения делается вывод, что данное понятие впервые ввел в адыгейское языкознание Учжук Саферович Зекох. В современном адыгейском язы-

ке термин «полуторапредикативный» не получил широкого применения.

Мы придерживаемся мнения, что осложненное предложение – это структура переходного типа, объединяющая в себе признаки полипредикативности и монопредикативности.

Осложненное предложение все еще остается практически нерешенной задачей в теоретическом синтаксисе, хотя бы по той причине, что многие теоретики от нее просто отказываются, считая осложненные предложения – весьма пестрой и неоднородной группой явлений, предпочитая рассматривать однородные члены, обособленные члены, обращения, вводные и вставные конструкции как отдельные, не связанные между собой темы.

Литература

1. Зекох У.С. Адыгейская грамматика. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. – 512 с.
2. Хутежев З.Г. Порядок слов в простом предложении кабардино-черкесского языка. – Нальчик, 2010. – 80 с.
3. Прияткина А.Ф. Осложненное простое предложение / учебное пособие – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1983. – 96 с.
4. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Синтаксис. Пунктуация: Учеб. пособие для вузов. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.
5. Магомедов М.Ю. Осложненное предложение в аварском языке в сопоставлении с русским. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Махачкала, 2013. – 24 с.
6. Яковлев Н.Ф., Аишамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 463 с.
7. Рogaва Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. – Краснодар. – Майкоп. Краснодарское книжное издательство, 1966. – 462 с.
8. Руднев А.Г. Синтаксис осложненного предложения. – М.: Учпедгиз, 1959. – 197 с.

Хасароков Биляль Магомедович

кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой кабардино-черкесского
и абазинского языков и литератур
Карачаево-Черкесского РИПКРО.
г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика

О СТИЛИСТИЧЕСКИХ РЕСУРСАХ СИНТАКСИСА АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы стилистического синтаксиса абазинского литературного языка. Выявлены разнообразные стилистические ресурсы синтаксиса современного абазинского литературного языка, в числе которых различные типы простых предложений, предложения, осложненные инфинитными конструкциями, обращениями, вводными и вставными конструкциями, а также порядок слов как стилистический прием. Они позволяют выработать систему синтаксических средств, функционирующих в различных функциональных стилях абазинской речи.

Ключевые слова: стилистика, синтаксис, функциональный стиль, абазинский язык, предложение.

Annotation. The article deals with the stylistic syntax of the Abaza literary language. The various stylistic resources of the syntax of the modern Abaza literary language are revealed, including various types of simple sentences, sentences complicated by infinite constructions, references, introductory and inserted constructions, as well as word order as a stylistic device. They

allow you to develop a system of syntactic tools that function in various functional styles of Abaza speech.

Keywords: *stylistics, syntax, functional style, Abaza language, sentence.*

В настоящее время в кавказском языкознании предпринимаются первые попытки полномасштабного исследования стилистики новописьменных и младописьменных языков. Об этом свидетельствуют работы М.М. Халикова [9], З.Х. Хамидовой [10], Р.Б. Жашуева [3] и других.

Системное исследование современного абазинского литературного языка в стилистическом плане и работа, направленная на полное и всестороннее изучение закономерностей стилистического функционирования языка и его средств, находятся в настоящее время в начальной стадии. Отдельные вопросы стилистики отражены в ряде работ по лексике, фразеологии, синтаксису, пунктуации, фонетике и морфологии.

Наличие вариантов в способах выражения мысли и синтаксической организации речи позволяет выработать систему синтаксических средств, функционирующих в различных речевых ситуациях. Нередко именно синтаксис того или иного текста является основным средством определения его стилистических маркеров.

Большинство исследователей под синтаксической стилистикой понимают учение о смысловом использовании синтаксических моделей, применение одной и той же синтаксической модели для выражения разного содержания, т.е. учение о построении речи с точки зрения ее стилистических свойств [2, с. 9-11].

Основной единицей уровня синтаксиса в языке служит предложение и на его уровне выразительными средствами можно считать такие модели, которые содержат в себе дополнительную экспрессивную информацию.

Все выразительные средства синтаксического уровня можно разделить на группы с учетом того, каким способом трансформируется исходная модель: бессоюзие, номинативные предложения, перечисление, обращение, вставные конструкции, инверсия и т.д.

Изучение стилистического использования различных типов предложений выдвигает на первый план функционально-стилевой аспект. При их стилистическом анализе важно также показать их экспрессивные возможности, от которых зависит обращение к той или иной конструкции в определенной речевой ситуации.

Исследователи абазинского синтаксиса выделяют определенные типы простых предложений, состоящих из одного слова или сочетания, в которых отсутствует глагол-сказуемое. Речь идет о междометных предложениях, вопросительных, утвердительных и отрицательных словах-предложениях и других типах. В зависимости от речевой ситуации они могут нести в себе нейтральную семантику или эмоциональную окрашенность. Например, в вопросно-ответных диалогах часто употребляются утвердительные и отрицательные частицы как самостоятельные слова:

– Фаризат лпа сакІвнІ ухІвама? – Шта (Ц.П.) – «– Ты сказал, что сын Фаризат? – Да».

О-о, арат гьма! (ХІ.З.) – «О-о, посмотри на них!»

Некоторые частицы употребляются для привлечения внимания собеседника на что-либо, к кому-либо. Они выполняют как бы функции обращения и в предложении обычно занимают препозицию:

Арахь, ари йылхІвауа шагу! (Дж.ХІ.) – «Смотри, что она говорит!»

Характерной чертой междометий в абазинском языке является их многозначность. В зависимости от контекста, ситуации, интонации, жеста и мимики они могут передавать самые различные чувства, эмоции и ощущения человека. Междометные предложения, которые очень часто употребляются в разговорной речи, практически всегда имеют стилистический характер:

Уа, ауи йамгІаныйа, МухІамад! (Т.Б.) – «Ба, что это такое, Мухамед!»

«Уа-хІа-хІай!» – *хІва хъацІа быжь гвагІвадукІ гІагамІ* (Аб. ал.) – «Эге-ге-ге!» – раздался какой-то зычный мужской голос».

Такие типы предложений, в основном, характерны для разговорной речи и художественного стиля.

Номинативные предложения используются для описания. В них заложены большие изобразительные возможности, и литераторы используют их для описания героя, обстановки, природы. Они могут выполнять экспрессивную функцию при соответствующем интонационном оформлении. Для многих поэтов стилистическое использование номинативных предложений стало важным художественным приемом. Вот отрывок из стихотворения Керима Мхце «Осенний этюд», являющийся иллюстрацией такого рода:

Аджьугьальа. Архъа пша.

Ахъазыра.

Йжьагу адуней лаша.

Аладз цыра. –

«Перекасти-поле. Ветер в поле.

Одиночество.

Обманчивый светлый мир.

Капля слезы».

Особенностью ряда кавказских языков, в том числе и абазинского, является широкое употребление в них глагольных инфинитных форм и конструкций. Ш.К. Арстаа отмечает, что вопрос об инфинитных конструкциях в абхазско-адыгских, дагестанских и нахских языках относится к числу фундаментальных вопросов синтаксиса предложения [1, с. 234].

«Под инфинитными конструкциями понимаются такие сочетания слов, организующим центром которых является глагол инфинитного образования (инфинитной формы), – пишет Ш.К. Арстаа. – Организующая роль глагола инфинитной формы заключается в том, что в нем сосредоточены грамматические форманты субъектно-объектных компонентов словосочетания, к нему примыкают и другие компоненты с обстоятельственными значениями (если такие имеются в словосочетании). В нем находят свое выражение и временные значения» [1, с. 237].

Используя категорию предикативности как основной критерий, исследователь приходит к выводу, что большинство инфинитных конструкций не имеет предикативности и не может стать структурообразующим центром предложения.

Функции финитных и инфинитных форм, способы их образования в абазинском языке подробно описаны профессором Р.Н. Клычевым. Эти конструкции употребляются в составе простого предложения и осложняют его. Инфинитные конструкции, образованные от масдаров, причастий, формы с аффиксами, обозначающими временное, местное, причинное, местно-направительное, обстоятельное значение, могут употребляться в функции субъекта, прямого и косвенного объектов. При этом они представлены в финитном глаголе-сказуемом соответствующи-

ми показателями, связаны с ним предикативной связью [5]. Предложения, осложненные инфинитными конструкциями, широко распространены во всех функциональных стилях абазинского языка:

Ауат йызлаџабуш ахча рымазарквын, уыста йырхушызгы рауашын (Н.Х.) – «Если бы у них были деньги, они нашли бы и то, чем заняться».

ХІаџІагылта хІынхарыквын, йхІфуш хІымазлуштІ (М.Н.) – «Если будем работать дружно, обеспечим себя питанием».

УахъІвала тшгІанарыхътазтІхІва агъны ауырапІ, ауасаква рхъара йгъалымгастІ, ауаса ауи гІаргванхитІ (Б.Кв.) – «Хотя сегодня стало холодно, окот еще не завершен, но это время приближается».

Предложения с инфинитными оборотами представляют значительные возможности для эмоционального и афористического выражения мысли, и потому они также широко представлены в произведениях устного народного творчества – сказках, пословицах, загадках и других жанрах:

Ауи дџацаз абыхъв ацапІы рхъа дууын – «У подножья горы, куда он ходил, было большое ровное место».

Айныжв йнапІкъџацапІкъџара дџацтІаз адгъыл тнарццытІ – «Там, где лежал великан, в земле образовалось углубление из-за того, что он сильно дергался».

ДжъкІа зфаз дзы йыжвхпІ. «Кто поел соль, выпьет и воду».

Йынхауа дчахпІ. «Кто работает, тот ест».

Обращения выделяются экспрессивной окраской и функционально-стилевой закрепленностью, особенно в художественных текстах:

– *Убара бзихатІ, Батым!* (Джъ.Къ.) – «Добро пожаловать, Батым!»

Н.Т. Табулова отмечает также, что при обращении могут употребляться частицы **о**, **уа**, **е** и т. д. Эти частицы не отделяются от обращений знаками [8]. Например:

Арахъ, Аминат, арат йырхъязыхъазта щарда йшвхчушма? (Ц.П.) – «Слушай, Аминат, долго еще вы будете сторожить их одних?»

Ай, стаца мыгІва, бзачІвгІвычІвгІвыс гвапазйа, йзачІвытагы йбчхІамыгІвайа хІара хІыхъаз, бпсы гІархІауа зъара уахъы бгайа (Чв.Ш.). – «Ай, бедная моя сноха, какая ты была добрая, сколько всего ты терпела ради нас, сколько беспокойных ночей ты провела».

Эти частицы служат для привлечения внимания собеседника, для акцентирования высказывания, придают предложению с обращением дополнительную эмоциональную окраску, поэтому всегда выделяются интонацией. Нередко для этой цели также используются повторы. Например:

Умар, Умар! АчІвыйа уызчІвыуа? (ХІ.З.) – «Умар, Умар! Почему плачешь?»

В деловой переписке, официальных документах, адресованных определенным лицам, функция обращений другая: они выполняют информативную роль, а также организуют текст, выступая своего рода «зачином». Выбор формы обращения в официальной обстановке имеет важное значение, поскольку речевой этикет является составной частью культуры поведения, а в иных случаях обретает общественно-политическую окраску:

Швыхъвланын бзита, хвду ззыгІбауа хІхаквлагІвчва! – «Добрый вечер, дорогие земляки!»

В речи вводные и вставные конструкции выражают те или иные оценочные значения, придают экспрессивную окраску высказыванию и нередко закрепляются за функциональным стилем. Как правило, чаще они функционируют в разговорном стиле, а литераторы с их помощью имитируют непринужденную беседу героев. В предложении вводные слова отличаются позиционной свободой, их расположение зависит от наличия или отсутствия стилистической окрашенности:

ЙацтагІайуаз азаман Рина йшхълнарцІазла, Нашхва лыхъазла йынчвазгы, йакъылызыгы, йчІахІызгы, йкъарууызгы – ажвакІла йухІвушызытын – йбзазараз ахча акІвын (Д.М.) – «Как потом время убедило Рину, для Нашхо и богом, и умом, и уважением, и силой – одним словом – жизнью были деньги».

Специальной работы, посвященной проблемам вводных конструкций, в абазинском языке нет. Материал о них изложен лишь в школьных учебниках в самом обобщенном виде. Составитель школьных учебников Н.Т. Табулова [7] указывает на их значения в абазинском языке и выделяет несколько групп.

Группа 1. Вводные слова, выражающие чувства говорящего или кого-то другого: *йшпабзийыз, йсынасытын, байтамаль* и другие:

Йсынасытын, ауи агІан саба йгІвайцчва гъаъамызтІ (Чв.Ш.) – «К моему счастью, тогда братьев отца не было дома».

Группа 2. Вводные слова, передающие оценку говорящим степени достоверности высказывания: *цІабыргыта, ныха сырхІва, ажва гъалам, йшызбуала, йалырныс ауыпІ, къангъашра аламкІва, йхъауцІуш ауи акІвпІ* и другие:

Ныха сырхІва, Чарасан, дыздырдзузтынгы, йлакта стапшра шсылымиша (Джъ. Къ.) – «Готов поклясться, Чарасан, что, даже если я его знал, мне не удалось заглянуть ему в лицо».

Группа 3. Вводные слова, отражающие связь мыслей, последовательность изложения: *йапхъахауата, йгІвбахауата* и другие:

ЙгІвбахауата, йцІыхъахауа гІвба-хпа сквыш руацІала сальмамшввала аргваныта сзабадыруаз абаза чкІвын Къвансыргъан ОрхІан ауаъа дтата дбзазун (Л.Джъ.). «Во-вторых, там проживал Орхан Копсергенов, с которым я переписывался в течение последних двух-трех лет».

Группа 4. Вводные слова, оформляющие приемы и способы выражения мысли: *ауи акІвпІта, ажвакІта йухІвушызытын, йгІлаухвырквын, ажва ахъазла, ажва амшарквын* и другие:

Датшата йухІвушызытын, йгІазлыцІыз атерминква рхцІараквагы йгІазлалыз афразеологизмква рхцІараквагы адыркІылтІ (П.С.). «Иначе говоря, они объединили признаки терминов, от которых произошли, и фразеологизмов, в число которых попали».

Группа 5. Вводные слова, указывающие на источник сообщения: *ахабарква шгІагауала, йшырхІвазла, ажвата йыгъула, арадиуа йшгІанагызла* и другие:

*Заджв йхІваща,
тшызранпсаз сылахьгы*

Сысквша йцазгы хабар йыгьзымбатІ... (М.Кь.) –

«Как кто-то говорил, не сожалею о жизни, ставшей мачехой, и о прожитых годах...».

Вставные конструкции являются в тексте добавочными, попутными замечаниями, часто они имеют особый стилистический характер, а в устной речи специфическая интонация усиливает необычное чувство, акценты автора, обособленность его от всей остальной части предложения. Они могут существенно отличаться от основной части высказывания интонацией. Конструкция может быть нейтральной или вопросительной с соответствующей интонацией:

*Рчырква рхчитІ хІайуангы,
швыргы, пссгІачІвгы.*

ХІа – ауат хІрайчвума? –

дгьхІзычуми хІгІари?.. (М.Кь.) –

«Своих детенышей защищают и звери, и птицы. Мы – неужели хуже их? – не можем защитить своих детей?..»

Нередко такие предложения, резко нарушающие связь между словами основного высказывания, сопровождаются эмоциональным напряжением, оформленным в письменной речи в скобках, восклицательным знаком, сочетанием восклицательного знака и многоточия:

«Сыпшдза» – гьсхІвум, йыгьсхІвум – «слашара»

(Сара гьсакІвым ба бызчІву!!!)

Ай йабазгуш абзибара,

АтшпынхІвазыкь йрайчву? (М.Кь.) –

«Не говорю я «милая моя», не говорю «мой свет» (Не мне

ты принадлежишь!!!) Ай, что делать мне с любовью, Той, что страшней, чем тысячи унижений?»

С точки зрения стилистического синтаксиса изучение порядка слов как средства смысловой организации предложения имеет важнейшее значение. Порядок слов используется для правильного и стилистически оправданного выражения мысли, усиления действенности речи. В абхазско-адыгских языках порядок слов рассматривается как один из важных характеристик предложения и является одним из наиболее сложных вопросов синтаксиса.

Для абазинского языка характерен устойчивый порядок слов, особенности которого выявлены Р.Н. Клычевым:

1) подлежащее плюс различные обстоятельства, плюс сказуемое (при непереходном глаголе-сказуемом):

АугІагьы анхарта йцитІ (М.Кь.) – «И люди идут на работу»;

2) подлежащее плюс косвенное дополнение, плюс прямое дополнение, плюс сказуемое (при трехличном переходном глаголе-сказуемом) [4, с. 200]:

АчкІвын алыгажв йыджьмаква рцІыхъва дтагылын абна йылайцатІ (А. ХІ.) – «Мальчик пошел вслед за козами старика и загнал их в лес».

С.У. Пазов отмечает, что главными членами предложения являются сказуемое, подлежащее и дополнение. К второстепенным членам относятся определение и обстоятельство. Порядок предложения фиксирован, каждый член предложения максимально нагружен функционально [6].

И потому стилистический интерес представляют все случаи изменения естественного порядка слов в абазинском предложении. Чаще встречается явление инверсии, стилистический прием, состоящий в намеренном измене-

нии обычного порядка слов с целью эмоционального, смыслового выделения какой-либо части высказывания. Это явление нередко встречается в устном народном творчестве, а в художественной литературе и публицистике получило распространение как следствие развития литературного языка:

ДатаквчIвахтI акIьанджъа, адзы датахъылхтI, адзатишпы дачыхъарамкIва днайитI (А.ХI.) – «Он снова сел в лодку, отплыл и отправился в путь, двигаясь вдоль берега».

ЙгIайтI сасыта адзын, ацIлаква тшдыршвивахитI (М.Къ.) – «Пришла осень в гости, деревья отряхиваются».

В научной речи порядок слов выполняет важную смысловую функцию, подчеркивая логическое членение текста.

Абышвадырра апны йапхъахауата афразеологизмква рунашва зчпаз, абышва агIаншараква йгIарылызкIгIата кIьыдата йрыдынхалыз ашвейцар апхъахъа Балли Шарль йакIвпI (П.С.) – «Впервые фразеологизмы описал, отделил от других языковых явлений и исследовал швейцарский ученый Шарль Балли».

Таким образом, самые разнообразные стилистические ресурсы синтаксиса современного абазинского литературного языка, в числе которых нами выделены различные типы простых предложений, предложения, осложненные инфинитными конструкциями, обращениями, вводными и вставными конструкциями, а также порядок слов как стилистический прием, обладают способностью выступать в качестве экспрессивно-стилистических и функционально-стилистических средств. Они позволяют выработать систему синтаксических средств, функционирующих в различных речевых ситуациях, другими словами, в разных функциональных стилях речи.

Примечания

Примеры для анализа взяты из книг:

1. *Абазинские сказки* / составитель Меремкулов В.Н. – Черкесск, 1986.
2. *Аджибеков Х.С.* Когда просыпаются Стожары. – Черкесск, 1989.
3. *Лагучев Д. Дзууара.* – Черкесск, 1989.
4. *Мхце К.Л.* В миг полулета-полуосени. – Черкесск, 1993.
5. *Пазов С.У.* Фразеология абазинского языка. – Черкесск, 1994.
6. *Песнь моей земли.* Сборник произведений абазинских авторов. Черкесск, 1979.
7. *Табулова Н.Т.* Афористическая поэзия абазин. – Черкесск, 1997.
8. *Тхайцухов Б.Х.* Люди моего аула. – Черкесск, 1976.

Литература

1. *Аристава Ш.К.* Проблема простого предложения в абхазском языке. – Сухум, 2011. – 304 с.
2. *Архипова М.В.* Синтаксический параллелизм как выразительное средство синтаксической стилистики // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания иностранных языков». – Нижний Новгород: Издательство ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2015. – С. 9-11.
3. *Жашуев Р.Б.* Особенности современной карачаево-балкарской разговорной речи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2009. – 24 с.
4. *Клычев Р.Н.* Краткий очерк абазинского языка // Приложение к русско-абазинскому разговорнику / сост.: А.М. Джандаров. – Черкесск: Ставропольское кн. изд.- во, Карачаево-Черкесское отд., 1991. – С. 162-201.
5. *Клычев Р.Н.* Некоторые вопросы синтаксиса абазинского языка // Клычев Р.Н. Абазинский литературный язык: поиски и находки. – Черкесск: ТОО «Аджьпа», 2000. – С. 56-98

6. Пазов С.У. Синтаксический разбор простого предложения в абазинском языке // Актуальные вопросы абхазско-адыгской филологии. – Карачаевск: изд-во КЧГПУ, 1997. – С. 37-60
7. Табулова Н.Т., Тлисова Л.Н. Абазинский язык. Синтаксис. 8-9 классы. – Черкесск: Карачаево-Черк. респ. кн. изд-во, 1993. – 255 с. – На абаз. языке.
8. Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1976. – 353 с.
9. Халиков М.М. Основы стилистики современного аварского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Махачкала, 1998. – 48 с.
10. Хамидова З.С. Основы стилистики чеченского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2000. – 48 с.

Магомедов Даниял Магомедович

*кандидат филологических наук, научный сотрудник
отдела языка Института языка, литературы и
искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного
центра РАН.*

г. Махачкала, Республика Дагестан

СООТНОШЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО И ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ С СЕМАНТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию соотношения подлежащего и прямого дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта в аварском языке.*

В многокомпонентной семантике предложения различается грамматическая семантика, лексико-грамматическая семантика, семантика предиката, семантика актуального членения предложения.

Возможность установления корреляций подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта обнаруживает преимущества структурно-семантического подхода при анализе языковых явлений.

***Ключевые слова:** подлежащее, сказуемое, дополнение, семантика, субъект, объект, синтаксис.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of the relationship between subject and direct complement with the semantic categories of subject and object in the Avar language.*

The multicomponent semantics of a sentence distinguishes between grammatical semantics, lexico-grammatical semantics, predicate semantics, and semantics of the actual division of a sentence.

The possibility of establishing correlations of the subject and complement with the semantic categories of the subject and object reveals the advantages of the structural-semantic approach in the analysis of linguistic phenomena.

Keywords: *subject, predicate, addition, semantics, subject (actor), object, syntax.*

Одной из важнейших задач синтаксического анализа предложения, как известно, является всесторонняя характеристика входящих в него членов предложения. В аварском языке член предложения может быть выражен одним словом или целой группой слов, обозначающих единое понятие. Так, например, если в предложении *Vasac mIexь босана* – «Мальчик взял книгу» каждый член выражен отдельным словом и предложение имеет столько членов, сколько в нем слов, то в предложении *Vasac столалда mIaca mIexь босана* – «Мальчик со стола взял книгу», состоящем из пяти слов, мы имеем четыре члена, так как для выражения одного из них использованы два слова – имя в локативе I серии *столалда* и послелог *mIaca*. Следовательно, член предложения может быть выражен не только одним словом, а двумя и более словами, обозначающими одно понятие и отвечающими на один вопрос.

В последние годы в специальной литературе было показано, что подлежащее является комплексным понятием, которое не только служит для дифференциации семантических ролей в структуре предложения, но также устойчиво коррелирует с некоторыми значениями, относящимися к различным когнитивным сферам. Например, подлежа-

щее часто сообщает известную информацию (данное), в то время как прямое дополнение – новую. Интересным свойством подлежащего оказывается сопряженность с именами, обозначающими одушевленных участников, особенно людей, а среди них – с именами участников речевого акта и др. Все же мы полагаем, что подобные свойства указывают не на подлежащее как концепт грамматической структуры предложения, а на сущности, относящиеся к иным понятийным сферам.

В аварском языке существуют противоречивые точки зрения относительно подлежащего, сказуемого, прямого дополнения (объект), способов их выражения и грамматических связей между ними. И.И. Мещанинов писал: «В аварском языке выделяются пять построений предложения с разными падежами подлежащего: *вац рокьове вусана* «брат домой вернулся» (подлежащее *вац* в абсолютном-именительном падеже), *вацас хур бекьана* «брат поле пахал» (подлежащее *вацас* в творительном падеже), *вацасе жиндирго льимер бокьула* «брат любит своего ребенка» (подлежащее *вацасе* в дательном падеже), *вацасда жиндирго вас вихьана* «брат видел своего сына» (подлежащее *вацасда* в местном падеже покоя), *вацасул вас вуго* «брат имеет сына» (подлежащее *вацасул* в родительном падеже)» [9, с. 48].

Как видно из примеров, И.И. Мещанинов различает в аварском языке пять разных падежей подлежащего – номинатив, эргатив, датив, посессив и локатив исходя из того, что «падеж подлежащего зависит от заложенного в глагол содержания. Этим объясняется постановка подлежащего в разных падежах» [9, с. 48-49]. Все эти падежи, по нашему мнению, являются субъектными. Они тесно связаны с лексико-грамматическими формами глагола, однако при этом не могут быть квалифицированы как формы подлежащего.

Отождествление субъекта и подлежащего встречается и в исследованиях по другим языкам. По этому поводу М.М. Гухман писала: «Нередко можно встретить утверждение, что подлежащее в том или ином языке стоит в творительном, дательном, родительном падежах: подобные утверждения являются результатом подмены единиц одного уровня единицами другого уровня. По сути дела не подлежащее стоит в творительном, дательном, родительном падежах, а носитель или производитель признака» [3, с. 26], т.е. субъект. Следовательно, нельзя отождествлять субъект и подлежащее, относящиеся к разным уровням предложения. В аварском языке субъект совпадает с подлежащим лишь в номинативе.

Что же касается эргатива, то должны быть четко разграничены семантический и синтаксический аспекты его функционирования. Как пишет З.Г. Абдуллаев, без такого разграничения «невозможно установить подлинную природу данного падежа, так как по ряду признаков, в частности по характеру связи с глагольным процессом, не всякий субъект эргатива может быть квалифицирован как подлежащее» [1, с. 89].

Проблема эргативности заключается, прежде всего, в том, чтобы найти приемлемый способ анализа предложения языков эргативного строя по членам предложения, т.е. в необходимости ответить на вопрос: где подлежащее в предложении эргативной конструкции?

В зависимости от категории переходности / непереходности глагола-сказуемого аварское предложение может иметь диремную и полиремную конструкции. Два главных члена предложения – подлежащее и прямое дополнение (объект) – выражаются именными частями речи: существительными, местоимениями разных разрядов, числительными и др.

Эргатив относится, как правило, к косвенным падежам и по своему содержанию он полифункционален. Основными семантическими функциями эргатива являются субъект и объект действия (Агенс и Пациенс). Основные синтаксические функции эргатива – подлежащее и косвенное дополнение (комплемент). В аварском же языке основной синтаксической функцией эргатива является косвенное дополнение.

Синтаксическая сущность главных членов предложения может быть определена лишь в рамках синтаксической корреляции. Подлежащее в аварском языке входит в предикативную основу, хотя не является носителем предикативности. Его участие в оформлении предикативной основы состоит в том, что оно координируется с глаголом-сказуемым в классе и числе. Классный глагол относится в структуре предложения к имени в номинативе. Эргатив не отражает в глаголе свою категориальную субстанцию. Поэтому он может быть квалифицирован только как второстепенный член предложения. Подлежащим в аварском языке может быть лишь имя в номинативе. Для подтверждения данного тезиса обратимся к П.К. Услару, который при анализе глаголов чувственного восприятия писал, что «в аварском языке существует не действительный глагол *любить*, а глагол средний или страдательный *любиться*. В переводе на аварский язык предложение: *я люблю отца*, выражается через: *мне любитя отец, отец* делается подлежащим» [10, с. 122]. Именно такое определение подлежащего соответствует языковым фактам. Следовательно, классное и числовое спряжение глагола и субъектная координация выраженного им сказуемого с подлежащим и прямым дополнением (объектом) являются важными грамматическими характеристиками аварского языка, на основании которых можно определить сущность и своеобразие главных членов предложения.

Автор «Синтаксиса аварского языка» А.А. Бокарев выделяет следующие виды простого полного предложения:

1. *Эмен рокъове вуссана* – «отец домой вернулся»
2. *Инсуца хур бекъана* – «отец поле пахал»
3. *Инсуе жиндирго лъимер бокъула* – «отец любит своего ребенка»
4. *Инсуда жиндирго вас вихъана* – «отец увидел своего сына».

«Этими четырьмя типами исчерпывается, с точки зрения отношений субъекта и объекта, все многообразие аварских предложений, поскольку они являются простыми и полными» [2, с. 13]. Вместе с тем в работе смешиваются, как можно увидеть ниже, субъект и подлежащее. Например, при анализе предложения *Инсуца хур бекъана* «отец пахал поле» автор пишет, что здесь «изменения класса и числа подлежащего не сказываются ни прямо, ни косвенно на форме сказуемого» [2, с. 23].

Нетрудно заметить, что типы простых предложений, устанавливаемые А.А. Бокаревым и И.И. Мещаниновым, совпадают. Единственное их различие заключается в том, что в классификации И.И. Мещанинова представлена также посессивная конструкция [9, с. 48].

Рассмотрим непереходную конструкцию предложения аварского языка, в которой при непереходной конструкции сказуемое выражено непереходным глаголом, а подлежащее – именем в номинативе. Непереходная конструкция по своей природе является безобъектной, так как непереходный глагол выражает только состояние или действие, которые не переходят на другой предмет. Например: *бакъ баккана* «солнце взошло», *вас вачІана* «мальчик пришел», *эбел йачІана* «мать пришла» и т.д. Как прави-

ло, субъект и подлежащее в непереходных конструкциях совпадают.

Сказуемое в непереходных конструкциях своим префиксальным классно-числовым показателем координируется с подлежащим. Координация сказуемого с подлежащим в классе и числе является в аварском языке единственным способом наглядного выражения их связи в непереходной конструкции. Как известно, изменение лица подлежащего не отражается на сказуемом.

Подлежащее в непереходном аварском предложении оформляется номинативом. Синтаксическая связь между подлежащим и сказуемым в непереходном аварском предложении обоюдная: непереходное сказуемое требует оформления подлежащего номинативом, а подлежащее, оформленное номинативом, может находиться только при сказуемом непереходного содержания, требуя от него координации в классе и числе [2, с. 97]. Необходимо отметить, что в классе и числе координируются только те сказуемые, которые выражены глаголами, имеющими в своем составе классно-числовые показатели. В тех же случаях, когда в качестве сказуемых употреблены глаголы без классно-числовых показателей, синтаксическая связь подлежащего и сказуемого наглядно не проявляется. Однако связь между подлежащим и сказуемым существует всегда независимо от наличия или отсутствия классных показателей в сказуемом [4, с. 42].

Номинатив в аварском языке является формой подлежащего также в предложении с переходным сказуемым. Например: *Вацас къалам бекана* – букв. «Братом карандаш сломан», где имя в номинативе *къалам* координируется с префиксальным классно-числовым показателем глагола *б-екана*. Имя в эргативе же *вацас* не находит своего отражения в глаголе. Следовательно, эргатив здесь может быть квалифицирован как второстепенный член предложения.

Подлежащим же в данном предложении выступает *къалам*, так как классный глагол относится в структуре предложения к имени в номинативе, а имя в эргативе *вацас* является косвенным объектом. Изменения класса и числа косвенного объекта не влияют на форму сказуемого: *ясалъ къалам бекана* «девочка сломала карандаш», *васас къалам бекана* букв. «мальчик сломал карандаш» и т.д. Изменения же формы класса и числа подлежащего влекут за собой соответствующие изменения в форме сказуемого: *Вацас къалам бекана* – «Братом карандаш сломан», *Вацас къалмал рекана* – «Братом карандаши сломаны» и т.д. Следовательно, данная конструкция относится к номинативной [7, с. 54].

Необходимо подчеркнуть, что номинативная конструкция в аварском языке в зависимости от семантики именных актантов может иметь два структурных типа. Первая конструкция будет иметь значение страдательного залога (пассива), а вторая – значение среднего залога (медиопассива). Например: *Вацас хур бекъулеб буго* – букв. «Братом поле вспахиваемое есть». *Вац хур бекъулев вуго* – букв. «Брат поле пашущий есть».

В предложении со страдательным залогом (пассивом) *Вацас хур б-екъуле-б б-уго* глагол-сказуемое *б-екъуле-б б-уго*, который состоит из классного причастия *б-екъуле-б* и вспомогательного классного глагола *б-уго*, отражает в своих классно-числовых показателях имя в номинативе *хур*. Имя в эргативе же *вацас* не находит в глаголе-сказуемом отражения своих категориальных признаков.

В структурном типе среднего залога *Вац хур б-екъуле-в в-уго* оба именных актанта оформлены номинативом. Глагол-сказуемое *б-екъуле-в в-уго* своим префиксальным классно-числовым показателем *б-* координируется с именем в номинативе *хур*, а суффиксальным классно-числовым показателем *-в* – с именем в номинативе *вац*.

К указанным выше двум структурным типам номинативной конструкции примыкает еще одна конструкция типа *Вац векъарула* – «Брат пашет», где в качестве сказуемого использована форма констатива. Все эти разновидности номинативной конструкции являются синонимичными по отношению друг к другу.

Таким образом, в аварском языке представлена одна номинативная конструкция, которая имеет следующие варианты:

- 1) номинативная непереходная конструкция;
- 2) номинативная переходная конструкция трех видов.

Известно, что классический тип эргативной конструкции предложения включает, как правило, три члена предложения – подлежащее, выраженное эргативом, сказуемое, выраженное переходным глаголом, и прямое дополнение, выраженное именем в номинативе. Однако аварский язык не укладывается в эту схему. В нем классный глагол относится в структуре предложения к имени в номинативе. Следовательно, формой подлежащего в аварском языке является номинатив.

Проблема эргативности заключается, как правило, в том, чтобы найти приемлемый способ анализа предложения языков эргативного строя по членам предложения, т.е. в необходимости ответить на вопрос: где подлежащее в предложении эргативной конструкции?

В аварском языке к числу главных членов предложения принято относить подлежащее, сказуемое и объект. В зависимости от категории переходности//непереходности глагола-сказуемого аварское предложение может иметь директивную и полидирективную конструкции. Два главных члена предложения – подлежащее и объект – выражаются именными частями речи: существительными, местоимениями разных разрядов, числительными и др.

Синтаксическая сущность главных членов предложения может быть определена лишь в рамках синтаксической корреляции. Подлежащее в аварском языке входит в предикативную основу, хотя не является носителем предикативности. Его участие в оформлении предикативной основы состоит в том, что оно координируется с глаголом-сказуемым в классе и числе.

Таким образом, классное спряжение глагола и субъектно-объектная координация выраженного им сказуемого с подлежащим и объектом являются важными грамматическими характеристиками аварского языка, на основании которых можно определить сущность и своеобразие главных членов предложения.

Подлежащее – один из главных членов, входящих в состав предикативной основы предложения, связанный со сказуемым субъектно-объектными отношениями и обозначающий производителя действия или носителя состояния.

Какими же признаками характеризуются подлежащее и дополнение? Какие существуют критерии для их определения?

Прежде всего подлежащее – это независимый член предложения. От подлежащего в той или иной степени зависят другие члены предложения, но само подлежащее не подчиняется ни одному из них, а координируется со сказуемым. Однако подлежащим может быть не всякий независимый член предложения. Например, в предложениях *Бакъ баккана* – «Солнце взошло» и *Эмен хехго цвана* – «Отец быстро пришел» члены предложения *баккана* – «взошло» и *хехго* – «быстро» находятся каждое на независимом положении, но ни одно из них не является подлежащим. Причиной является то, что указанные члены предложения не имеют предметного содержания. Следовательно, вторым признаком определения подлежащего является его предметное значе-

ние. Например, подлежащим является слово *тIехь* в предложении *Васас тIехь босана* – «Мальчик купил книгу».

В число главных членов предложения большинством исследователей аварского языка включается прямое дополнение-номинатив на том основании, что в переходной конструкции глагол формально-грамматически связан с прямым дополнением, а не с подлежащим в эргативе.

Мы считаем, что член предложения, обладающий предметным значением, может считаться подлежащим лишь в том случае, если оно имеет еще и статус синтаксической независимости и если эта независимость обозначена каким-либо самостоятельным грамматическим средством. Таким средством обозначения независимости подлежащего служит в аварском языке номинатив.

Специфические особенности именных членов аварского предложения определяются характером глагола. Глагол в аварском языке изменяется по классам и числам субъекта и объекта: при глаголах переходной семантики содержится морфологическое указание на объект действия в виде классно-числовых показателей, а при глаголах же переходной семантики – на субъект.

Кроме того, разграничение подлежащего и дополнения можно осуществить с помощью логического анализа и постановкой вопросов.

Например, в предложении *Васасда эмен вихьана* – «Сын увидел отца» к слову *эмен* (номинатив) «отец» ставится вопрос *цив?* «кто?», а к другому именованному члену предложения *васасда* (локатив) «сын» – *лъида?* «кто?» (букв. «кем?»). Следовательно, разные слова, имеющие разные падежные формы, отвечающие на разные вопросы и отличающиеся друг от друга классно-числовой координацией, не могут считаться одноуровневыми членами предложения. Здесь слово *эмен* является подлежащим, а слово *васасда* – до-

полнением. Глагол-сказуемое переходной семантики *ви-хьана* своим префиксальным классно-числовым показателем координируется с подлежащим *эмен*. Подлежащее *эмен* и дополнение *васасда* взаимно предполагают друг друга [8, с. 153].

Однако независимое положение и предметное значение сами по себе еще не составляют подлежащего. Здесь важна также морфолого-синтаксическая характеристика слова. В аварском языке в функции подлежащего выступает независимая, прямая форма имени, выраженная номинативом, с которым координируются классно-числовые показатели глагола-сказуемого. Например: *Инсуе бокьула гIеч* – «Отец любит яблоко» (букв. «отцу любитя яблоко»). Здесь префиксальный классно-числовой показатель глагола-сказуемого *б-* координируется с именем в номинативе *гIеч*, являющимся подлежащим. В аварском языке, как известно, нет категории лица, поэтому координация может идти лишь по линии класса и числа [6, с. 143].

По установившейся традиции в авароведении подлежащее рассматривается как эквивалент субъекта действия. При этом подлежащим в аварском предложении указывается имя, не имеющее на то никаких оснований. И в результате в аварском предложении за подлежащее принимается дополнение. Настоящее подлежащее же традиционно рассматривается как «третий» главный член предложения – объект (наряду с подлежащим и сказуемым). Такой подход в определении подлежащего является, на наш взгляд, более системным, целесообразным и логичным.

Аварские именные члены предложения – подлежащее и дополнение – отличаются друг от друга своими морфологическими формами. Роль слова в предложении определяется, как правило, по его морфологическому оформлению. Каждый именной член предложения имеет специально

приуроченный к нему падеж, который является его единственной формой выражения. Таким падежом для подлежащего аварского языка является номинатив. Падежными формами дополнения могут быть следующие: номинатив, эргатив, датив, посессив, локатив. Эти именные члены, каждый из которых характеризуется определенным семантическим своеобразием и обладает соответствующей падежной формой, обусловленной характером глагола-сказуемого, имеют одинаковый синтаксический статус – все они выполняют функции дополнения. Исходя из названий падежных форм этим дополнениям можно присвоить следующие наименования: номинативное дополнение, эргативное дополнение, дативное дополнение, посессивное дополнение и локативное дополнение. Ни подлежащее, ни дополнение другими падежами не обозначаются. Из сказанного следует, что подлежащее и дополнение характеризуются не только рядом общих признаков, но также некоторыми принципиальными различиями, основные из которых сводятся к следующему:

1) Подлежащее и сказуемое являются двумя взаимосвязанными и взаимообусловленными доминантами предложения. Координация сказуемого с подлежащим в числе и классе – это морфологически обусловленное соотношение двух главных членов предложения. Дополнение же не имеет никакой координации со сказуемым.

2) Подлежащее (при морфологически оформленной предикативной связи) может быть выражено лишь именной словоформой в номинативе, а дополнение оформляется лишь косвенными падежами.

3) Роль подлежащего отнюдь не исчерпывается тем, что оно является одним из элементов окружения сказуемого (наряду с различными типами «дополнений» и «сирконстантов»): подлежащее представляет собой «синтаксиче-

скую основу» предложения, его исходную позицию, к которой уже на втором этапе процесса порождения присоединяется сказуемое с его дополнениями и сирконстантами.

Именной член предложения, обозначаемый эргативом, несет свою синтаксическую функцию при глаголе-сказуемом переходной семантики: *Дос шиша бекана* – «Он разбил бутылку» (букв. «им бутылка разбита»). Имя в эргативе *дос* является дополнением. Здесь он совпадает с субъектом действия. А имя в номинативе *шиша* является подлежащим, т.к. с ним координируется префиксальный классно-числовой показатель глагола-сказуемого *б-*. Данный именной член (*шиша*) соответствует объекту действия.

Таким образом, первый актант, оформленный эргативом (*дос*), передает семантику агенса, а второй актант, оформленный номинативом – пациенса (*шиша*).

При глаголе-сказуемом же непереходной семантики именной член предложения, обозначенный номинативом, несет свою синтаксическую функцию подлежащего: *Шиша бекана* – «Бутылка разбилась». Здесь подлежащее и сказуемое образуют структурный и семантический минимум предложения. Имя в номинативе *шиша* является подлежащим, как и в трехчленном предложении *Дос шиша бекана*. А слово же *шиша* в двучленном предложении *Шиша бекана* является субъектом действия. Следовательно, актант в номинативе, координирующийся с префиксальным классно-числовым показателем глагола-сказуемого *б-*, характеризуется как агенс.

В аварском языке продолжает оставаться актуальным вопрос о том, как следует квалифицировать в синтаксическом плане те именные члены предложения, один из которых выражает субъект действия в эргативе, обозначенный переходным глаголом, а другой выражает объект действия в номинативе.

Дополнение, как правило, выделяется на основе его противопоставления подлежащему. Сторонники же логического направления в языкознании ставят знак равенства между дополнением и объектом действия и между подлежащим и субъектом. Поэтому во многих работах дополнение определяется как член предложения, который обозначает объект действия [5, с. 104].

Однако соотношения между дополнением и подлежащим, с одной стороны, и принимаемыми за их эквиваленты смысловыми объектом и субъектом, с другой, намного сложнее и многообразнее. Между дополнением и объектом, как и между подлежащим и субъектом, не наблюдается однозначного соответствия. Дополнение в аварском языке может обозначать только субъект, а не объект действия: *Вацас цIул кьотIулeб буго* – «Брат рубит дрова» (букв. «братом дрова рубимые есть»), где имя в эргативе *вацас* является дополнением, а имя в номинативе *цIул* – подлежащим.

Различие между дополнением и подлежащим надо искать в области грамматики. Языковые факты показывают, что дополнение отличается от подлежащего прежде всего своим синтаксическим положением. Дополнение – это член предложения, который не имеет координации с глаголом-сказуемым, тогда как подлежащее всегда координируется с глаголом-сказуемым. Однако дополнением может быть не всякий член предложения, который не координируется с глаголом-сказуемым. Не координируются с последним и другие члены предложения. Дополнение отличается от других членов предложения (кроме подлежащего) тем, что обладает предметным значением. Дополнение сближается с подлежащим именно благодаря наличию предметного значения.

Исследование синтаксических свойств каждого из членов предложения открывает разные качества этих членов

предложения, позволяет более глубоко проникнуть в структуру предложения.

Дополнение и подлежащее отличаются друг от друга не только синтаксическими взаимоотношениями с другими компонентами предложения, но и морфологическими особенностями своего выражения: дополнение выражается косвенными падежами (эргативом, дативом, посесивом, локативом), тогда как подлежащее выражается номинативом.

Главная граница в падежной парадигме именных актантов проходит между номинативом и другими косвенными падежами. На этом основании проводится противопоставление подлежащего дополнению, а иногда субъекта – объекту.

Таким образом, дополнение характеризуется следующими признаками: а) координируется с глаголом-сказуемым, б) обладает предметным значением, в) выражается косвенными падежами.

Таким образом, подлежащее и дополнение представляют собой полярные друг другу синтаксические понятия.

Многие свойства членов предложения раскрываются в анализе соотношений их с другими единицами языка. Служебные слова играют важную роль в раскрытии сложного механизма образования предложения, строевой и смысловой значимости всех языковых средств.

Семантико-синтаксическое значение послелогов заключается в том, что они, не выполняя самостоятельно функции членов предложения, входят в состав членов предложения, так как осуществляют синтаксическую связь и дифференцируют значение словоформ. Послелогои используются для объединения слов и выражения определенных смысловых отношений. Употребляются они лишь с существительным или местоимением-существительным и выражают соотношения данного предмета с другими предметами и яв-

лениями. Например: *рукъалда цебе* – «перед домом», *рукъалда аскIоб* – «около дома», *рукъалда нахъа* – «сзади дома», *рукъалда тIад* – «над домом» и т.д. Эту функцию послелогои в аварском языке выполняют в неразрывной связи с формами определенных падежей. Некоторые послелогои, закрепившиеся за определенными падежами, выступают как сигнализаторы значений членов предложения. Например, послелог *бакъуль* «в середине, в центре» сочетается только с именем в номинативе: *шагъар бакъуль* «в центре города», *азбар бакъуль* «в середине двора» и т.д.

Общее назначение у падежной формы с послелогоми и без послелогов совпадает, только одни разновидности смысловых отношений передаются падежными формами без послелогов, другие – с послелогоми: *гъотIокъ* – «под деревом», *гъотIода гъоркъ* – «под деревом», *бочкаялгуб* – «в бочке», *бочкаялда жаниб* – «в бочке» и т. д. Поэтому сочетание существительного с послелогом характеризуется как послеложно-падежная форма. Иногда значение падежной формы существительного и значение послелогоа могут дублировать друг друга. Например: *столалда* – «на столе» и *столалда тIад* – «на столе». Формант локатива *-да* имеет значение «на». Такое же значение имеет также послелог *тIад* – «на». При выборе одной из подобных форм нередко учитываются их стилистические свойства.

Послелог оформляет словоформу, дополняя лексико-грамматическое значение слова. Подобно падежным формантам, послелог связывает слова не только в словосочетании, но и в предложении. Послелогои способствуют более точному выражению синтаксических значений.

Включая послелогои в состав члена предложения, мы тем самым усиливаем самостоятельность значений самой послеложно-падежной формы, вне ее связи с другими формами. Очевидно, что *бокъоб* «в хлеву» и *бокъобе жанибе* «в

хлев» имеют разную семантику: в первом случае – значение места действия, во втором – значение направления действия. В условиях предложения, при сочетаемости со словами подобные словоформы приобретают более конкретные значения.

Литература

1. *Абдуллаев З.Г.* К некоторым понятиям теории эргативности // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1990, – № 2. – С. 88–92.
2. *Бокарев А.А.* Синтаксис аварского языка. – М.-Л., 1949. – 277 с.
3. *Гухман М.М.* Позиция подлежащего в языках разных типов // Члены предложения в языках разных типов. – Л., 1972. – С. 19–35.
4. *Магомедов Д.М.* Синтаксическая связь определения с определяемым словом в аварском языке // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2016. – № 9. – С. 40–45.
5. *Магомедов Д.М., Магомедтагирова И.Г.* Синтаксические функции локатива III серии в аварском языке // Вестник Дагестанского научного центра. – 2015. – № 56. – С. 102–106.
6. *Магомедов М.И.* Семантико-синтаксическая характеристика предложений с глаголами речи в аварском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. – Выпуск 5. – Махачкала, 1999. – С. 138–144.
7. *Магомедов М.И.* Синтаксическая роль классно-числовых показателей в аварском языке // Дагестанский лингвистический сборник. – Выпуск 7. – М., 1999. – С. 53–57.
8. *Магомедов М.И.* Синтаксическая сущность главных членов предложения в аварском языке // Тезисы докладов региональной научной конференции молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям. – Махачкала, 1995. – С. 152–154.
9. *Мещанинов И.И.* Эргативная конструкция в языках различных типов. – Л., 1967. – 247 с.
10. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. – Тифлис, 1889. – 550 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Ашуба А. Е.	
Приветствие	3
Габуниа З. М.	
Поздравление	5
Чкадуа Л. П.	
Ш. К. Арстаа: ученый, кавказовед, организатор науки	6
Пазов С. У.	
Вопросительное предложение в абазинском языке: формы и способы выражения вопроса	20
Биданок М. М.	
Синтаксические варианты в адыгейском литературном языке	36
Хагба Л. Р.	
Индефинитная конструкция предложений в абхазском, абазинском и адыгских языках	43
Магомедов М. И.	
Некоторые особенности синтаксических конструкций аварских диалектов	51
Дибиров И. А.	
Синтаксическая структура простого предложения в аварском языке	68
Тугуз Г. Т.	
Синтаксическое построение осложненного предложения в адыгейском языке (подход У.С. Зекоха)	78
Хасароков Б. М.	
О стилистических ресурсах синтаксиса абазинского языка	87
Магомедов Д. М.	
Соотношение подлежащего и прямого дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта в аварском языке	101

ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА
В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Компьютерный набор: *Ахуба А.З.*
Корректор: *Хеция Н.А.*
Верстка: *Гунба Н.Г.*
Технический редактор: *Гунба Н.Г.*

Формат 84x108 1/32. Физ. печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 6,3. Тираж 200. Заказ №...

 Республика Абхазия,
РУП «Дом печати», г. Сухум, Эшба, 168.